

ОБОРОТ МЕНЯ

ЧАСТЬ
3
НАЗОРЕЙ

Роман Углев

16+

Роман Романович Углев

Обороты меня.

Часть 3. Назорей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42034492

SelfPub; 2023

Аннотация

Канни – оборотень и суперагент. Он раб антигуманной системы, продукт чудовищной смеси, состоящей из современных технологий и магических заклинаний. Его человеческая суть жаждет освобождения от унижительного рабства, сделавшего его монстром с двойственной природой. Однако система, которой он вынужден служить, могущественна и безжалостна, и для всех, кто хочет выйти из-под ее контроля, приговор один – смерть. Выжить, победить и стать свободным... возможно ли это, если противник значительно сильнее тебя?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	63
Глава 3	88
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Роман Углев

Обороты меня.

Часть 3. Назорей

Глава 1

Вечером на старой мельнице было холодно. Вениамин приезжал сюда время от времени, чтобы «поговорить с Папой», – так он сам называл свое время, проведенное перед Творцом. Когда он приезжал сюда, он не брал с собой гаджеты и какие-либо другие устройства. С одной стороны, чтобы его никто не отвлекал, когда он сосредоточен на разговоре с Богом, а с другой, чтобы это его место никто не мог запеленговать, зная, что каждый мобильный телефон, это прекрасное подслушивающее устройство, даже, когда он не в сети. Даже с дешифратором голоса, его нахождение в лесу на старой мельнице могло вызвать подозрение и желание проверить, кто там находится, поскольку этот объект был слишком близко к Краевке.

Когда ему нужно было поговорить с Петром или Брумелем, он выезжал в ближайший город и использовал дешифратор. Ситуация была несколько подвисшей, и требующей ожидания, и какой-то определенной развязки, и поэтому ему

приходилось полагаться только на свою интуицию и духовное видение.

Последнее сообщение от Петра было тревожным, поскольку особисту во сне было показано, что чудовище-оборотень где-то близко с Холмским и скоро будет атаковать. Не совсем понимая, что нужно делать в такой ситуации, Вениамин решил поехать на мельницу и уединиться для молитвы и поста. Здесь находясь в верхней комнате и сосредотачиваясь на своем внутреннем чувствовании, старый охотник получал ясные и понятные картины-инструкции от Всевышнего, которые, как он верил и видел по своей жизни, были на порядок выше всех планов злоумышленников, несмотря на все их высочайшие технологии, прекрасную организацию и тончайшее оборудование.

Вениамина радовало, что Петр, хотя еще и не доверил до конца свою жизнь в руки Божьи, все же получает предупреждения свыше. Радовало и то, что рядом с особистом находится Данилин, и целиком его во всем поддерживает.

Думая о Петре, охотник улыбался. С ним было связано множество светлых воспоминаний из его детства и юности, и Вениамину всегда нравился этот смысленный и открытый паренек. Они часто ходили вместе на охоту или рыбалку и проводили время в общении и, хотя он не совсем одобрял его выбор, когда тот пошел учиться в учебное заведение МВД, сейчас он понимал, что и в этом был потрясающий и удивительный план Творца, и что именно эта его позиция позво-

ляет ему сейчас бороться за обнаружение и, возможно, будущее возвращение своего брата и сестры и, может быть даже, разрушение темных планов, связанных с их похищением, которые касаются и жизни других подобных им подростков.

«Открой мне, Господи, что Ты будешь делать, и как мне помочь Петру в этой непростой ситуации? – тихо молился охотник, преклонив колени рядом с открытым окном. – Какой мне дать ему совет, какой следующий шаг, и что можно сделать, чтобы разрушить злые козни врага? Ты все знаешь. Все в Твоей власти. Да не восторжествует враг. Покажи мне Твои пути. Ты всегда удивительным образом хранил меня и тех, о ком Ты доверял мне позаботиться. Знаю, что сохранишь и на этот раз. Только открой мне, что мне нужно делать...»

В какой-то момент молитвы, когда старый охотник остановился и прислушался, чтобы понять свои ощущения, он вдруг услышал внутри себя тихий голос:

«Поезжай в большой город. Встретишь там Татьяну. Она уже в России».

«Татьяну? – удивился Вениамин. – Уже в России?»

Он подождал еще какое-то время, прислушиваясь к своему сердцу, после чего накинул на плечи свою меховую куртку и спустился вниз к своему мотоциклу. Ему нужно было доехать до ближайшей станции электрички, и там оставить свой трехколесный транспорт у своего друга, который жил в соседней деревне. Затем уже на электричке добраться до

железнодорожного вокзала и пересесть на поезд, чтобы доехать до Сыктывкара. Что ж, ему было не в первой, но сначала нужно было незаметно показаться в Краевке и по уже отработанной схеме через Федора сообщить супруге и, наверное, Людмиле, где он и что он, чтобы они не волновались.

* * *

Солнце палило нещадно. Уже несколько дней над поверхностью океана был почти штиль, и их небольшое спасательное суденышко почти не продвигалось. Навес, который был предусмотрен, чтобы хоть как-то защищать их от солнечных лучей, конечно, давал тень, но этого было недостаточно. Жара была просто невыносимой.

После долгих дней путешествия их запасы продовольствия подошли к концу, но еда в виде рыбы у них была, поскольку Джонни и Андрей успешно рыбачили. Сколько они протянут на одной рыбе, было непонятно, но голодными они не были, и благодаря солнечному опреснителю, который на жаре прекрасно работал, у них была пресная вода. Конечно, они пытались ее экономить, но из-за жары есть не хотелось, а пить наоборот хотелось очень сильно, и поэтому, как только опреснитель набирал очередной стаканчик воды, он тут же с жаждой осушался кем-нибудь из них, в зависимости от того, чья в этот момент подходила очередь.

Лера, изнемогающая от зноя, уныло смотрела на безбрежный и спокойный океан, уставшая от многих дней путешествия. Ночью она мерзла и не могла нормально спать, днем наоборот мучилась от жары. Её тело зудело от морской воды, в которую ей время от времени приходилось себя окунать, чтобы хоть как-то освежиться и охладиться от постоянной жары, а от однообразной пищи, и от многих других неприятных факторов их вынужденного плавания у нее было состояние близкое к тошнотворному. Сейчас она не была уверена, чего ей больше хотелось, быть здесь и оставаться свободной в этой неопределенности, или же все-таки вернуться на корабль и быть рабыней, но иметь при этом хоть какую-то стабильность и конкретность во всем остальном, то есть, нормальную постель, понятную пусть и тяжелую работу и разнообразную еду, с любовью приготовленную Долли. Она с тоской вспоминала свои общения с этой добродушной поварихой, и мечтала о том, чтобы вымыться в корабельном душе, который сейчас был таким желанным.

Единственной отрадой их пребывания в лодке были те моменты, когда они могли пообщаться, что как правило происходило по вечерам или по утрам, потому что днем из-за этой ужасной жары разговаривать совершенно не хотелось.

За это время они рассказали друг другу почти всю свою жизнь, и их с Андреем английский язык стал намного более отточенным и уверенным. Лера стала замечать, что она очень часто даже думает по-английски, а не по-русски и,

мысленно разговаривая сама с собой, говорит тоже на английском.

Вот и сейчас, глядя на неясно очерченную линию горизонта, она думала о доме и о маме, и вдруг заметила, что думает на английском языке. Однако, поймав себя на этом, она лишь слегка пожала плечами и пожалела о том, что, вот она теперь знает английский язык, но при этом находится в открытом океане, и неизвестно, будет ли спасена, и тогда, понадобится ли ей когда-нибудь этот язык, и что толку, что она теперь им владеет, если завтра может быть утонет в этой морской пучине? Ее мысли на неродном ей языке текли медленно и лениво, и она думала, что, наверное, могла бы все отдать, только бы оказаться сейчас дома рядом с мамой. Ей бы она с радостью продемонстрировала сейчас все свои знания, но только, вот незадача, мамы рядом не было, и неизвестно, увидит ли она ее когда-нибудь еще в своей жизни или нет?

У Леры выступили на глазах скупые слезы и, скатившись на щеки, моментально высохли из-за жары. Она грустно вздохнула и в этот момент увидела на поверхности океана какое-то движение.

– Что это? – спросила она, ни к кому не обращаясь.

Ее вопрос услышали и Андрей, и Джонни, и посмотрев в том направлении, куда она показывала, Джонни ответил:

– О! Круто! Это дельфины. Ух-ты! Смотри как их много!

Огромная стая дельфинов грациозно передвигалась, вздымая каскады брызг и создавая шум похожий на шум

проливного дождя. Афалины выпрыгивали из пучины и, пролетев над поверхностью воды чуть больше метра, снова погружались в нее с характерным всплеском.

– Мне кажется, или они приближаются? – спросил Андрей.

– Похоже, что да, приближаются к нам, – ответил Джонни. Зрелище было поистине необыкновенным. Ничего подобного ребята никогда не видели в своей жизни. Они заворуженно наблюдали за движением стаи афалин, забыв про жару. Чем больше приближались к лодке эти удивительные существа, тем сильнее становился шум, и тем яснее можно было разглядеть отдельных животных.

– Они нас не заденут? – забеспокоилась Лера.

– Не должны, – отрицательно мотнул головой Джонни. – Дельфины обычно не нападают на человека. А вот на акул нападают, поэтому, если ты видишь дельфинов, можешь быть уверена, что акул рядом нет.

– А что они с ними делают? – любопытствовала Лера.

– Кто? Дельфины с акулами? Точно не знаю. Я слышал, что они просто пробивают им брюхо своими твердыми носами, и те погибают.

В это время стая приблизилась к лодке и стала проплывать мимо нее настолько близко, что до лодки долетали брызги. Это было очень приятно и освежающе. Лера с удовольствием подставила под брызги лицо и руки, наблюдая за афалинами, и попутно с блаженной улыбкой ловя ощущение столь

неожиданной и желанной прохлады. Андрей и Джонни присоединились к ней, и они, радостно смеясь и шутя, комментировали столь удивительное явление природы.

Какое-то время эта фантасмагория продолжалась, затем стая стала постепенно редеть, мимо лодки проскакали последние особи бело-серых водоплавающих млекопитающих, и наконец вся эта резвая братия стала удаляться по направлению к востоку.

– Ух, прелесть какая! – выразила свое восхищение Лера, и в этот момент лодка пошатнулась, дернулась и поплыла в том же направлении, в котором удалялась стая.

– Что это? Что случилось? – почти одновременно воскликнули Андрей и Джонни и поспешили перебраться к носу лодки, чтобы понять, что происходит.

– Не может быть! – удивленно воскликнула Лера, которая вместе с ними решила посмотреть.

Как оказалось, к носу спасательной шлюпки была привязана крепкая веревка длиной более десяти метров. Все это время она находилась в воде, и никому из них даже в голову не пришло, чтобы втянуть ее внутрь суденышка. Сейчас же за эту веревку ухватился один из дельфинов и теперь тянул лодку за собой, периодически выныривая из воды, чтобы набрать воздух. При этом три других дельфина плыли рядом с ним, создавая весьма потешный эскорт своему собрату труженику.

– Гляди-ка! Они что, решили с нами поиграться? – удив-

ленно спросил Андрей.

– Вполне возможно, – предположил Джонни. – Я слышал, что подобные вещи время от времени происходят.

– И как долго они нас будут тянуть? – задорно спросила Лера, воспринимая происходящее как весьма забавное приключение.

– Пока не надоест, – предположил мулат, смеясь. – Немного не то направление, в котором я хотел продолжать плыть, но это хоть какое-то основательное движение вперед за последнюю неделю.

Тем временем первый дельфин, видимо, устал и отплыл в сторону, а веревку тут же подхватил другой дельфин из эскорта, и лодка, не останавливаясь, продолжила движение.

– А мы быстро плывем, – радостно отметила Лера.

– Да, очень даже, – подхвати Андрей. – Они сильные. Интересно, зачем им это?

– Может быть, это для них просто игра? – предположил Джонни.

Все трое заметно повеселели.

В течение какого-то времени они наслаждались движением вперед и незатейливой беседой о том о сем, когда вдруг почувствовали, что лодка перестала плыть, и взглянув, увидели, что четверка дельфинов, дружно выныривая из воды, умчалась далеко вперед, догонять свою стаю, которая к этому моменту были уже едва различимы на горизонте.

– Эх! А мы так хорошо плыли! – с сожалением сказал

Джонни, достал бинокль и посмотрел им вслед.

Он довольно долго стоял так, в застывшем состоянии, внимательно вглядываясь вдаль, а затем вдруг тихо сказал:

– А ведь они были правы.

– Кто были правы? – спросил его Андрей.

– Дельфины.

– В каком смысле?

– В смысле направления.

– Что ты хочешь сказать? – спросила Лера, почувствовав в голосе мулата что-то особенное. – Давай, не темни уже.

Он молча протянул ей бинокль.

Лера встала, поднесла бинокль к глазам и какое-то время смотрела туда же куда и Джонни. Затем она таким же тоном, как и мулат, тихо нараспев сказала:

– Андре-ей...

– Что такое? – подскочил он.

– Мы спасены! – восторженно произнесла она, отдавая ему бинокль.

* * *

Стало смеркаться. В детском парке было тихо и нехарактерно тепло для этого времени года. Погода была превосходной для гуляния, и днем здесь было полно народа, но в вечернее время мамочки с малышами уже, как правило, расхо-

дились по домам, а молодежь начинала рассредоточиваться по ночным клубам и кафе. Лишь в дальнем краю парка все еще были слышны голоса какой-то засидевшейся подростковой компании.

К скамейке подошел старенький дедушка, с довольно длинными седыми волосами незаметно переходящими в еще более длинную седую бороду. Одет он был типично для своего возраста, в какое-то серое клетчатое пальто, опускающееся ниже колен, потертые джинсы, и черные теплые ботинки. Он с кряхтением оперся на свою старческую палочку и опустил на скамейку.

Мимо проходил другой похожий представитель этого поколения. Он был чуть моложе, что было видно по его стилю одежды, более пестрой, чем у сидящего на скамейке старика. И волосы, и борода у него были не такими длинными и седыми, и он пока не опирался на палочку. Вместо нее у него была трость с приделанным гвоздем на конце, которым он протыкал бумажки, разбросанные вдоль дорожек, поднимал их с земли и складывал в большой плотный целлофановый пакет.

– Не проходи мимо Петрович. Присядь, поговорим, – обратился старик к своему сверстнику.

– Отчего же не поговорить то, – с охотой отозвался Петрович, и присел рядом на скамейку.

– В уборщики заделался, или как? – спросил старик.

– Что? А это, – Петрович смущенно покрутил в руке па-

кет с мусором. — Это я на добровольческих началах. Молодежь-то нынче пошла никудышная. Где мороженое едят, там бумажку-то и кидают, а убрать за собой, ни-ни. А мне, это, как его, пенсионеру, не трудно, глядишь. Я на прогулку вышел, свежим воздухом подышал, а заодно на своем пути и бумажки собирал. И чище, и приятнее, и дышать легче. Да и, может, кто и пример с меня возьмет. Как ты считаешь, Геннадьевич?

— И то правильно, — одобрительно кивнул Геннадьевич, и погладил ладонью свою длинную бороду.

Они еще какое-то время поговорили на разные общие темы, о том, какая сейчас у стариков пенсия, и что старость не в радость, и что молодежь нынче пошла, и что вот раньше были времена, и все такое. Особое время в их разговоре заняло обсуждение о том, нужно ли Петровичу поехать к престарелой, но еще, слава Богу, здоровой и крепкой, глядишь, до ста лет проживет, родной сестре, и какие нужны на это деньги, и какие могут быть по пути проблемы, и на чем ехать, ведь путь-то, того, не близкий, и т.д. После чего Петрович встал и продолжил идти вдоль аллеи, подбирая по пути бумажки, а Геннадьевич с кряхтением поднялся со скамейки и прихрамывая отправился в противоположную сторону, опираясь на свою палочку.

Когда Петрович дошел до конца аллеи, он свернул в узкий переулок частный сектор сразу за парком и пройдя между домами, вышел к старенькому жигуленку светло-зеленого

цвета, припаркованному у одного из домов. Он сел в жигули, отъехал от дома и, выехав на проезжую часть, смешался с потоком машин, в то время, как Геннадьевич вышел из парка, прошел два квартала и, зайдя за один из домов, сел на мотоцикл с коляской и поехал в другом направлении.

Примерно через час жигуленок припарковался в соседнем городе у частного дома, и Петрович выйдя из машины, нырнул в перелесок между двумя соседними кварталами, и вышел с другой его стороны. С ним незаметно поравнялся еще один такой же Петрович, или Васильевич, или Емельяныч, что, в общем-то, не важно, но пусть будет Емельяныч, и какое-то время шел за ним. Заметив его, Петрович уронил бумажку и свернул на другую сторону, а Емельяныч остановился, присел на корточки, чтобы завязать шнурок на своем ботинке, незаметно поднял бумажку, свернул в противоположную сторону, и через пару минут вышел из парка, уже как Валерий Брумель, без всякого старческого маскарада.

Придя домой, он поужинал с семьей, поговорил о повседневных делах, сидя перед телевизором, предупредил жену, что у него будет недельная командировка по работе, попросил ему все приготовить на утро, и отправился к себе в кабинет. Там он достал свой ежедневник и написал в нем:

«Вениамин мою поездку к Петру не одобрил, и серьезно меня предупредил, что исход может быть очень неблагоприятным. Пока непонятно, что он имел в виду. Однако я все равно еду. Интересно, что он тоже едет в том же направле-

нии, но не в сам Холмский, и встречается с некоей особой, которая может, как он сказал, пролить свет на всю эту ситуацию. Есть ощущение, что скоро должна быть какая-то развязка. Нужно оставить деньги на велосипед для ребенка и жене на какую-то косметику, которую она просила. Ох-уж эти женщины!»

После этого он снова вернулся к своей супруге и ребенку, решив, что перед такой опасной поездкой лучше больше времени провести с семьей. В этот вечер дочь была такой умницей, а жена такой кроткой и нежной, что ему, как никогда, не хотелось уезжать из дома. Но... решение было уже принято, он так долго его вынашивал, так долго к этому готовился, все предусмотрел. Его отсутствие никто не заметит. Он отлично замаскируется, и никто даже не заподозрит, что это может быть он. Вениамин не одобрил! Ну, и что? Да, у него необыкновенная интуиция. Да, он еще пока ни разу не ошибся. Но, не у него же одного интуиция! А у Валерия есть два справедливо заработанных отгула. Почему он не может провести их по своему усмотрению?

Рассуждая таким образом, Валерий сам себя уговаривал быть твердым своему решению, поэтому наутро, чуть свет, он встал, поцеловал спящих жену и дочь перед выходом, взял собранные супругой вещи и отправился в путь.

Что касается Вениамина, то он, придя на условленное место, обнаружил оставленное Федором письмо от Людмилы с подробным описанием всего того, что с ней произошло.

Прочитав письмо, старый охотник тяжело вздохнул и по своему обыкновению опустился на колени и склонил голову в молитве. На этот раз он не произнес не слова вслух, а разговаривал с Богом внутренне, в своих мыслях, видимо, не желая, чтобы кто-то кроме Господа мог услышать о тех глубоких чувствах и переживаниях, которые хранило его сердце.

* * *

Самолет плавно оторвался от земли, и пилот почти сразу, лишь слегка подняв аэробус в воздух, стал разворачивать его в противоположную посадочной полосе сторону, круто положив на крыло так, что казалось, его конец вот-вот заденет крыши домов.

Сюзи вспомнила, какое на нее это произвело впечатление, когда она села в самолет впервые в жизни.

Этот эпизод снова увлек ее в долину воспоминаний своей юности и всего, что хоть как-то было связано с тем, кем она была сейчас.

* * *

Семья Аркадия ей очень понравилась. Двое старших де-

тей уже выросли, женились и теперь жили самостоятельной жизнью, лишь изредка навещая родителей. А младшая дочь Катя, которой, когда Таиру приняли в их семью, было всего десять лет, восприняла ее появление с большой радостью. Играть с Катей было интересно и комфортно. Она тут же окрестила Таиру своей лучшей старшей сестрой, и стала делиться с ней всеми своими девичьими секретами, воспринимая ее значительно старше себя и считая, что сестра гораздо больше и опытнее ее, и наверняка все знает. Таира же, наоборот, чувствовала себя на таком же уровне, как и этот ребенок, и с удовольствием играла с ней в ее детские забавные игры, учась через это всему, что касалось семейной жизни и, что было для нее недоступно в лечебнице-тюрьме.

Вспоминая Катю, Сюзи не могла не улыбаться. У нее сохранились только самые лучшие воспоминания об этом периоде ее жизни, если не считать одного очень неприятного инцидента.

Они остались дома одни, и поставили чайник на газовую плиту, чтобы подогреть его и попить чай. Когда чайник вскипел, они вместе зашли на кухню, и Катя случайно уронила чашку на пол. Чашка упала и разбилась вдребезги, а Катя, нагнувшись неловким движением локтя задела носик чайника.

Дальше все произошло очень быстро. Таира, видя как в замедленной съемке, что раскаленный чайник сейчас упадет на младшую сестру и ошпарит ее кипятком, мгновенно под-

скочила к ней и оттолкнула ее в сторону. Катя с криком отлетела, ударившись головой о стол, а Таня, поскользнувшись, упала рядом с газовой плитой, и чайник, открывшись, вылил свое содержимое ей на лицо.

Сюзи плохо помнила, что было дальше. Возможно, она потеряла сознание от болевого шока, потому что дальнейшее ее более-менее ясное воспоминание было уже на больничной койке. У нее перебинтована голова и руки, она на постели в кабинете, к ней подключена капельница, а перед ней стоит Аркадий, его супруга Анжела и маленькая Катя.

– Я ведь знаю, это ты меня спасала, – обиженно поджав губы, говорила младшая сестренка. – Это я такая неуклюжая свинья, чайник уронила.

– Катенька, дочка, что ты такое говоришь? – удивилась таким ее словам Анжела. – Разве можно себя так называть?

– Конечно, можно. Если бы Таня меня не оттолкнула, этот чайник бы вылился весь на меня, – упрямо заявила Катя.

– Все равно, так говорить нельзя, – не унималась Анжела. Катя подошла к Таире поближе и, осторожно погладив ее забинтованную руку, сказала:

– Спасибо тебе, сестра. Век не забуду.

Таира попробовала ей улыбнуться, но поняла, что ее лицо ей непослушно, и поэтому смогла ответить Кате только, моргнув глазами и чуть заметным кивком головы.

Затем они все вышли за дверь, и Таня услышала, как отец разговаривает с врачом. Говорили они очень тихо, но ее

невероятно острый слух позволял ей слышать каждое слово.

– Что я могу вам сказать, Аркадий Евгеньевич, – сокрушенно говорил врач, – без пластической операции не обойтись.

– Но, можно ли восстановить ее лицо? – обеспокоенным тоном спросил отец.

– Будем стараться, конечно, но ожог все равно будет виден. Полностью устранить последствия такого обширного поражения мы, увы, не в силах.

– Я очень прошу вас, сделайте лучшее, что в ваших силах.

– Конечно-конечно, Аркадий Евгеньевич. Все лучшее, что только сможем. Можете не сомневаться. Но, мы не боги, к сожалению, и чудес совершать не умеем.

– Бог умеет, – горячо сказал Аркадий. – Я буду молиться, чтобы произошло чудо.

– Вот и хорошо. Вы молитесь, а мы будем стараться.

Сюзанна не помнила операции, но она помнила свое первое впечатление, когда с нее сняли бинты и она впервые подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Она была такой безобразной с этими шрамами от ожогов, что закрыла лицо ладонями и разрыдавшись, побежала в свою палату.

Молоденькая медсестра пришла к ней, утешать ее, говоря, что швы пока еще свежие, что все еще заживет, но Таира знала, что это все просто слова, потому что она слышала разговор отца с врачом. Она сидела на кровати и тихо плакала, поджав колени к груди, обхватив их руками и уткнув-

шись в них красным исковерканным лицом. Когда медсестра наконец ушла, она осторожно потрогала свои шрамы. Лицо горело и чесалось, но врач ее строго настрого предупредил, чтобы она его не расчесывала. Проплакав пару часов, Таира наконец устала от своих собственных слез и, поднявшись с кровати, подошла к окну. Прильнув горячим лицом к холодному стеклу так, чтобы вся ее истерзанная кожа ощутила стеклянную прохладу, она грустно стала смотреть на улицу, туда, где за забором больницы стояли большие деревья с раскидистыми кронами, покрытыми снегом.

Снаружи было очень красиво. Там царствовала зима, и бесшумно падал снег, искрясь в свете яркого уличного фонаря гранями прекрасных больших снежинок. Неожиданно ее так сильно потянуло туда, в этот лес, за пределы высокого бетонного забора. Она так сильно захотела побыть там одна, что эта мысль захватила ее. Она так ясно представила себе, как она окажется на той стороне забора посреди этого леса или парка, не важно, но в этой снежной сказке посреди огромных деревьев и волшебного белого грациозно и плавно падающего с небес снега.

Не желая создавать паники по поводу своего исчезновения, Таира все-таки заставила себя дожидаться отбоя, легла на постель и закрылась с головой одеялом. У нее уже созрел ясный план, как ей сделать все так, чтобы никто и ничего не заметил. Она тихо лежала под одеялом и ровно дышала, ожидая, пока дежурная медсестра зайдет в палату. Когда та

зашла и подошла к ней, Таира так отчетливо слышала каждый ее шаг и шелест голубого халата, что могла ясно представить себе каждое ее движение, хотя молодая девушка старалась вести себя как можно тише. Медсестра подошла к ее постели, какое-то время постояла, молча наблюдая за пациенткой, затем наклонилась к ее голове и послушала ее дыхание и, убедившись, что та спит, так же тихо вышла из палаты. После этого, судя по звукам, она пошла проверить остальных детей. Так случилось, что Таира находилась в своей палате одна, поскольку двух девчонок, которые были с ней, уже выписали; одну за день до этого, а другую сегодня утром. Вскочив с кровати, она схватила три одеяла, заранее вынутые из-под покрывал с трех соседних кроватей и приготовленные ею для этой цели. Сформировав из одеял подобие себя, она укрыла получившуюся фигуру так же, как до этого была укрыта сама, тихо и быстро выскочила в коридор и прошмыгнула к двери, ведущей на лестницу, соединяющую этажи. Ей даже не нужно было оглядываться по сторонам, чтобы убедиться, что в коридоре никого нет. Она итак это знала благодаря своему острейшему слуху.

Теперь ей нужно было спуститься на второй этаж, поскольку там с лестничного проема был выход на балкон, который никогда не закрывался, так как некоторые из медсестер и медбратьев периодически выходили туда, чтобы покурить.

Оказавшись на балконе, Таира быстро скинула с себя

одежду, засунула ее за небольшую урну, стоящую здесь же, и мгновенно обратилась рысью. Это было больно, но в то же время, почему-то, приятно. Ее тело как будто соскучилось по превращениям, и с удовольствием восприняло боль трансформации. Она спрыгнула вниз и, преодолев расстояние до забора в три мощных прыжка, запрыгнула на забор, а с него соскочила вниз, оказавшись среди заснеженных деревьев.

Вдохнув всей своей рысью грудью свежий морозный воздух, она издала сдержанный, но торжествующий рык и помчалась в глубь лесопарка.

В этом своем обличье она гуляла почти всю ночь, наслаждаясь скоростью, силой, гибкостью и свободой. Примерно за три часа до подъема, она вернулась в больницу под прикрытием темноты и проделала все то же самое, что и до этого, но уже в обратном порядке и, оказавшись у выхода в коридор остановилась и прислушалась.

За дверями было тихо. Она слышала дыхание всех детей в своих палатах и особенно, что было важно, мирное сонное посапывание медсестры. Осторожно открыв дверь, она выглянула и посмотрела на дежурную, которая сидела за своим рабочим столом и, положив голову на сложенные перед собой руки, крепко спала. До двери в палату было гораздо ближе, чем до медсестры. Двигаясь мягко и бесшумно, Таира быстро прошла на цыпочках к себе, остановилась, прислушалась и, убедившись, что сонное посапывание дежур-

ной продолжается, стала аккуратно разбирать сделанную ею фигуру из одеял и заново заправлять все постели. Когда все было сделано, она залезла под одеяло и укрывшись с головой, закрыла глаза. Теперь ей хотелось спать.

«Что ж, если я не смогу с таким ужасным лицом жить среди людей, я, по крайней мере, смогу жить среди зверей», – полушутя полувсерьез подумала она и крепко заснула.

Ей приснилось, что она превратилась в белую кошку, и в таком виде бегала по снежной поляне и, радостно смеясь, гонялась за белыми, как снег, бабочками, которые летали между растущими прямо на снегу белоснежными маками.

* * *

Наутро ее разбудил вошедший в палату главврач. Видимо ее по какой-то причине не стали будить на завтрак, может быть, потому, что она вчера была сильно расстроенной. Но в таких и в похожих на этот случаях, завтрак все равно ожидал ее и других подобных ей пациентов в течение, как минимум, двух часов.

– Та-ак! Как дела у нашей принцессы? – радостным голосом спросил врач, не переживая по поводу того, нравится такое обращение его пациентке или нет.

Чувствуя себя вполне выспавшейся, Таира нехотя вылезла из-под одеяла и, поджав ноги, села на кровати.

Не поднимая на нее глаз, врач сел на стул напротив и открыл свой журнал, чтобы сделать там свои пометки.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, записывая что-то на нужной странице.

– Нормально, – сонным несколько недовольным голосом ответила Таира.

– Лицо не тянет?

Таира потрогала лицо ладонью. Наощупь оно было как будто бы слегка мятым, но болезненных ощущений не было, поэтому она ответила таким же тоном:

– Не-а, не тянет.

– Ага, – сделав свои пометки, врач снял очки, которые он использовал для чтения, поднял на нее глаза и вдруг, отпрянув назад, как ошпаренный, громко воскликнул: – О, Боже, что это?!

Таира даже вздрогнула от такого его поведения и, нахмутив брови, подозрительно спросила:

– Что, что это?

– Господи, этого не может быть! – ошарашенно глядя на нее, сказал врач. – Я вижу такое впервые в жизни!

– Что вы видите впервые в жизни? – недоумевала Таира.

– Танечка, Господи! Это же самое настоящее чудо! Что с тобой произошло?

«Надеюсь, у меня нет шерсти на морде? – подумала она, снова ощупав свое лицо ладонью».

– А что произошло? – спросила она.

Он вскочил со стула и выбежал из комнаты, не удостоив ее ответом.

Пожав плечами, Таира встала с постели, подошла к зеркалу и застыла от удивления. С отраженья на нее смотрела очень красивая молодая девушка со свежим, без единой морщинки, шрама, прыщей или еще какого-либо изъяна лицом, но это было не совсем ее лицо. Это была немного другая, очень красивая девушка, с правильными утонченными непривычными чертами, в которой угадывалась она, Таира, но при этом преображенная и доведенная до совершенства. Несомненно, это была она, но как же сильно она изменилась! Как будто над ней несколько часов подряд трудился косметолог, и нанес ей профессиональный и очень качественный макияж. Таира со страхом подняла руку и поднесла пальцы к своим губам. В отражении незнакомка тоже подняла руку поднесла пальцы к полураскрытым губам, которые стали чуть более припухлыми, ровными и красивыми. Овал лица стал менее округлым, подбородок стал более утонченным, и на нем появилась маленькая аккуратная ямочка, щеки стали чуть впалыми, но совсем не сильно, придавая лицу более нежное выражение, нос тоже стал тоньше. Раньше он был несколько толстым и похожим на картошку, а теперь был ровной идеальной формы. Только глаза, пожалуй, остались такими же, как и были, но даже они теперь выглядели по-другому из-за того, что поменялось все остальное.

«Что с тобой случилось, Таира?» – мысленно спросила

она у своего отраженья и улыбнулась сама себе. В ответ ее отражение озарила самая светлая улыбка, которую только можно было себе представить.

Раздался топот четырех пар ног, сначала вниз по лестнице, затем по коридору, а затем в комнату вбежал главврач и с ним три ассистента, два из которых, как оказалось позже, присутствовали на ее операции.

Подбежав к Таире и бесцеремонно повернув ее к себе, врач еще раз заглянул ей в лицо, чтобы убедиться, что увиденное им утром ему не померещилось и, обратившись к вошедшим с ним вместе людям, сказал:

– Смотрите, господа. Выдели ли вы что-нибудь подобное? Потрясающе, не правда ли? Что скажете?

– Превосходный результат, доктор, – ответил один из них.

– Превосходный результат?! – воскликнул главврач. – Да это не просто результат! Это, знаете, уму непостижимо!

– Да, учитывая степень поражения, регенерация у нее превосходная, – согласился другой.

– Господа, я думаю, вы не понимаете, о чем вы говорите. Такое восстановление невозможно. Во всяком случае, за всю свою врачебную практику, я такого никогда не видел.

Он снова посмотрел на Таиру:

– Ты точно ничего не делала с собой в эту ночь? – спросил врач, продолжая смотреть на нее широко раскрытыми удивленными глазами. – Ты просто спала?

– Да... п-просто с-спала... а... ч-что, я что-то действительно м-могла с собой сделать? – естественным образом чуть заикаясь, ответила она и подумала:

«Так я вам и рассказала, что я делала и где была».

– Хм, в самом деле... глупый вопрос. Что может сделать с собой хрупкая девушка, которой обварили лицо? – Несколько растерянно спросил, ни к кому не обращаясь, врач и, немного помедлив, задумчиво продолжил: – Что ж, похоже, твой отец получил то самое чудо, о котором он просил. Думаю, что я пойду и сообщу ему эту радостную новость. Ты как себя чувствуешь? Слабости, недомогания нет?

– Нет, – отрицательно мотнула головой Таира.

– Ну, что ж. Тогда, мы тебя сегодня же выписываем. Тем более, что Новый год на носу. – Он поднял с пола уроненный им впопыхах журнал, сунул его под мышку и радостно вышел из палаты в сопровождение остальных, а Таира снова подошла к зеркалу, чтобы получше себя разглядеть и привыкнуть к своему новому облику.

«Что ж, – улыбнулась она и кокетливо подмигнула своему отражению, – вот теперь можно и к людям».

* * *

С внутренним содроганием колдун наблюдал за тем, как Тенниус читает его рапорт. Брови мага то хмурились, то

взлетали вверх, но было уже понятно, что ничего хорошего после того, как рапорт будет прочтен, Алексу ожидать не придется.

– Ну-с, и что вы думаете, вас после этого ожидает, милейший? – спросил маг после прочтения.

Внутренность колдуна сжалась. Он знал, что в тех редких случаях, когда Тенниус говорил подобным образом, это могло означать самое суровое наказание, которое только предусмотрено в подобных случаях.

– Вы понимаете, какой ваша оплошность означает убыток для нашего общего дела? – тем же тоном спросил маг.

Не поднимая глаз, Алекс кивнул.

– Вы же отдаете себе отчет, какие затраты несет наша организация, чтобы подготовить хотя бы одного агента такого уровня как 213-й? – постепенно ужесточая интонацию, снова спросил Тенниус, в то время как колдун, продолжая кивать, все больше вжимал голову в плечи.

Выдержав многозначительную паузу, маг дождался, когда колдун все-таки осмелится поднять на него глаза, и вдруг резко взмахнул руками, и в тот же миг превратился в птеродактиля раза в полтора большего размера, чем стоящий перед ним человек.

Вскрикнув в ужасе, Алекс упал перед чудовищем на колени и взмолился надрывным скулящим голосом:

– Смилуйтесь, господин! Я сделаю все, что вы прикажете, только смилуйтесь надо мной. Не убивайте меня! Умоляю,

не убивайте!

Птеродактиль издал злобное шипение, вытянув длинную шею в сторону дрожащего перед ним человеческого существа, и сквозь это шипение зловеще проговорил:

– Жалкий заморыш! Что ты теперь можешь сделать? Ты упустил свой шанс.

Он безжалостно пнул Алекса в живот четырехпалой когтистой лапой, сжатой в кулак. Взвизгнув, колдун беспомощно отлетел в угол, и распростерся на полу, закрыв голову руками.

Да, он тоже мог превратиться в большого и страшного змея, и может быть даже, близкого по размерам к тому летучему ящеру, которым сейчас стал хозяин, но нет, он никогда бы не посмел сделать это и бросить вызов мастеру. К тому же он понимал, что если он сделает это, то его ждет неминуемая смерть, как бунтаря. А так, может быть, он все же сумеет снискать милость и, хотя бы останется в живых.

Снова издав шипение, злобная рептилия вытянула шею и выпустила из открытой пасти струю синего пламени, похожую на ту, которая исходит из сопла газовой горелки. Огонь достиг ладоней колдуна, закрывающих его голову и обжег их. Если бы не эти ладони, Алекс, скорее всего, лишился бы большей части волос на голове, а так он только заскулил, как щенок, получивший болезненный пинок, но остался неподвижно лежать, распростершись ниц.

Щелкнув зубами, ящер сложил крылья и снова превратил-

ся в человека.

С презрением посмотрев в сторону рыдающего и дрожащего колдуна, Тенниус плюнул и сказал своим обычным голосом:

– Встань и отправляйся на плаху. Пройдешь пять кругов, и тогда я посмотрю, что с тобой делать.

С этими словами маг исчез с треском электрического разряда, как бы растворившись в воздухе, а Алекс, еще какое-то время, поскуливая, лежал на полу, и лишь, окончательно убедившись, что мастер ушел, поднялся, отряхнулся и, глубоко вздохнув, отправился в помещение для обрядов. Там, встав на середину пентаграммы, он послушно прочитал нужное заклинание и точно так же, как и его хозяин, исчез, появившись в то же мгновение в другом обрядовом помещении в одном из подземных корпусов НИИЯТ, где его уже ожидал огромный чернокожий палач высотой почти под три метра. Посмотрев на этого исполина, колдун внутренне содрогнулся и смиренно опустив голову, своей раскрытой ладонью показал ему цифру пять, продолжая исподлбья наблюдать за палачом. Они поняли друг друга без слов, и великан молча указал ему на одну из многих дверей вдоль коридора. Направившись к ней, Алекс стал сомневаться, что, может быть, ему стоило лучше предпочесть смерть. Он много слышал о том, что его ждет на пяти кругах мучений, но это все же означало, что после окончания наказания ему сохранят жизнь, потому что все колдуны, с которыми ему довелось общаться из тех,

кто был здесь до него, все-таки остались живы и считали, что это лучшая участь чем преисподняя.

Палач отворил дверь, откуда на колдуна пахнуло запахом затхлости и смрада, и со злорадным смехом толкнул его внутрь.

* * *

Стоя у окна, Петр увидел, как в конце улицы, ведущей к его дому, появился свет фар приближающейся машины. Он накинул меховую куртку, надел шапку и тихо, чтобы не разбудить никого в доме, вышел во двор. Через мгновение Уазик Данилина, скрипя шинами по снегу, остановился перед ним.

Петр запрыгнул внутрь фургона и обратил внимание, что вместе с полковником внутри находятся еще два вооруженных снайперскими винтовками офицера.

Петр пожал руку друга и вопросительно скосил глаза в сторону снайперов.

– Я почему-то решил, что сегодня нам не помешает прикрытие. Какое-то нехорошее предчувствие, знаешь.

Особист пожал плечами.

– Я только за, но, как им объяснить, в кого стрелять?

– Стрелять будем в зверей, особенно в необычно крупных волков, если таковые появятся, – ответил Данилин, чуть по-

высив голос, чтобы его услышали стрелки, и таким тоном, будто стрелять в волков было самым обычным делом.

У Петра возникло ощущение де-жа-вю. За прошедшие сутки выпал снег, и теперь его вчерашний сон удивительным образом совпадал с видимой им реальностью.

– Вот, сюда, – показал он на тот самый поворот, который видел во сне, несмотря на то, что они с комендантом уже побывали здесь вчера.

– Я помню, – ответил Данилин и свернул.

Через какое-то время они доехали до того места, где заканчивались жилые дома, и остановились на некоем пустыре, за которым начиналась вереница сараев, а за ними в конце проема между строениями было отчетливо видно городскую стену.

Дальше проехать было нельзя. Все трое вышли из машины, и Данилин заглушил двигатель.

Снег, покрывающий ровным слоем все, что можно было покрыть, искрился мириадами искр в свете уличных фонарей. Вокруг царил такая тишина, что можно было слышать биение собственного сердца и пульсирующий шум крови, бегущей по венам. Темное беззвездное небо, казалось, поглощало собой все звуки, и обычный хруст снега под ногами казался настолько громким, что двигаться не хотелось.

– Вон там рядом с тем местом есть дерево, одна ветвь которого доходит почти до стены, – сказал особист тихим шепотом и указал рукой в нужном направлении.

– Я помню, Петр, – снова ответил Данилин, сдержанно кашлянул и, говоря так же тихо, как и его друг, предположил: – А что, если это будет не сегодня? Может быть, мы тогда успеем спилить эту ветвь? Давай я сметаюсь за бензопилой и стремянкой, возьму пару-тройку солдат, и мы доедем почти до самого этого места снаружи через южные ворота, а вы останьтесь здесь и караульте, чтобы за это время никакая тварь не перелезла через стену.

Два снайпера молча переглянулись и, кивнув как ни в чем не бывало, отправились к стене с винтовками наготове, а Данилин спросил, обращаясь к Петру:

– Ну, так что?

Петр кивнул и, хотя у него не было внутреннего согласия с тем, что предложил подполковник, почему-то ответил:

– Давай. Хуже не будет.

– Оружие взял? – зачем-то спросил комендант.

Особист молча хлопнул себя по кобуре.

Данилин окинул его и двух офицеров критическим взглядом, и спросил:

– Справитесь, если что?

Пожав плечами, Петр ответил:

– А что, есть выбор?

– Ладно, понял. Я пошлю вам поддержку.

С этими словами подполковник быстро залез в машину.

Уазик взревел, а Петр, догнав офицеров, дошел с ними до конца сараев и, показав на какую-то заснеженную насыпь,

сказал:

– Вот здесь он может перепрыгнуть, и скрыться за этой горкой.

Один из офицеров учтиво, спокойно, без какого-либо сарказма, но с явным интересом спросил:

– Петр Иванович, а можно спросить, кто именно?

Чуть замаявшись, особист ответил:

– Это довольно-таки трудно объяснить... э-э... в общем, не считите за бред, парни, но ожидаемая цель, это очень крупный волк, который может перепрыгнуть через стену во-от в этом месте.

* * *

Канни бежал легкой трусцой, не чувствуя ни усталости, ни боли. В желудке было приятно от ощущения сытости после недавно съеденной косули. На шее в том месте, где находился датчик, было все спокойно, как будто про него все забыли и больше не хотят с ним иметь дело. Он, конечно, понимал, что не в их правилах просто так оставлять своих агентов, и поэтому был начеку, ожидая, что ситуация может измениться в любой момент. Но, как ни странно, он совсем не боялся возможных последствий его непослушания Алексу. Ему было далеко не все равно, как отнесутся к его поступку остальные из вышестоящих начальников, но Канни прекрас-

но понимал, что имеет дело с очень могущественной системой, которая при желании может уничтожить его в любой момент. Пока датчик на нем, любой из магов знал, где он, и мог при желании телепортироваться и оказаться рядом. Оборотень достаточно хорошо их знал, чтобы после всего произошедшего тешить себя пустыми надеждами на добрый исход. Да, он сумел справиться с ужасной болью, исходящей из датчика, но при этом был уверен, что у начальства наверняка есть какой-то способ, чтобы его обуздать. Поскольку это был первый такой инцидент в его жизни, Канни решил пока следовать данному ему приказу, и все-таки разыскать злополучного водителя ауди и прикончить его. Так, по крайней мере, он сможет показать свое послушание системе, и попробовать преподнести свой поступок, как острое несогласие с вышестоящим начальником, и не более того.

Не оставляя мечту о том, что когда-нибудь он все-таки избавится от имплантата, оборотень решил, что пока он не знает, как это сделать, ему лучше сосредоточиться на выполнении задания, тем более, что согласно приказу, он, в общем-то, может оставить искомый объект в живых.

Холмский был уже совсем рядом, и интуиция подсказывала Канни, что, хоть он и встретится там со старшим братом, убить этого человека ему снова не удастся. Приближение чьей-либо смерти он обычно всегда чувствовал безошибочно.

И все же что-то особенное при этой встрече должно было

произойти!

Что это будет, и как именно это произойдет, оборотень сказать не мог, как не мог он и сказать, как он это предчувствовал. Все его существо так и рвалось вперед от предвкушения чего-то очень важного и нужного в его жизни.

Ветер, хоть и не сильный, уверенно дул в сторону города, и это был один из тех редких случаев, когда Канни не мог понять по запаху, что происходит за стеной. Поэтому ему пришлось подойти поближе и полагаться на свое не очень острое волчье зрение. Вскоре он увидел, что город был охраняем, и к тому же, как и следовало ожидать, окружен высокой стеной с колючей проволокой. Высота ограждения вместе с натянутой поверху колючей проволокой оказалась выше той, через которую он мог бы просто перепрыгнуть, поэтому нужно было найти какую-то возвышенность, с которой он мог бы преодолеть данное препятствие.

Время было самое что ни на есть подходящее. Обычно в такой ранний утренний час тьма была самой глубокой, и все спали крепким сном.

Откуда-то издалека до него донесся шум мотора и приглушенные людские голоса. Неожиданный порыв ветра сбоя принес ему запах городских ворот и какого-то оружия.

«Это явно какой-то военный городок», – подумал он и решил повернуть влево, в противоположную от ворот сторону.

Не очень широкая лесополоса, окружающая город с той стороны, где находился Канни, отступала от бетонной стены

на несколько метров, что не позволяло ему подойти к ней незамеченным, особенно, если на стене были установлены какие-нибудь камеры наблюдения, которых он, по крайней мере пока, не заметил ни одной. Однако это не означало, что их нет вообще, и поэтому было неразумно, передвигаться по открытой местности. Оценив обстановку, оборотень быстро побежал вдоль стены под прикрытием деревьев, ища удобного места.

К своему сожалению, из-за погодных условий он никак не мог просканировать, что творится за пределами городского ограждения, которое было очень похоже на тюремное, но он был уверен, что в это время суток на улицах нет не души, за исключением, может быть, какой-нибудь дежурной военной машины, шум двигателя которой он периодически слышал вдалеке, слишком незначительный, чтобы беспокоиться по этому поводу.

Пробежав вдоль стены несколько километров, Канни наконец увидел огромное дерево, одна из могучих ветвей которого простиралась в сторону города. Мгновенно рассчитав в своей голове траекторию, оборотень ускорил шаг, сделал мощный скачок, приземлился на ветвь и, оттолкнувшись от нее, прыгнул в сторону городской стены...

Колючая проволока приближалась к нему как в замедленной съемке, но расчет был верный, и он, не касаясь ее, сумел пролететь над бетонным ограждением. Однако, как только он увидел, куда приземлится, ему в нос ударил характер-

ный запах испуганных, но решительно настроенных вооруженных людей, явно ожидающих его, за некоей заснеженной насыпью с противоположной стороны...

* * *

Услышав ответ Петра, снайперы переглянулись, и снова перевели глаза на особиста. Второй кашлянул и спросил:

– Не считите за неуважение, Петр Иванович, но это очень странное заявление. Откуда вы знаете, что в этом месте через стену может перепрыгнуть огромный волк? И... почему, вдруг, это может быть настолько опасно?

Петра начало ужасно раздражать присутствие этих парней, и тем более, что он не собирался посвящать их в подробности своего дела. Не находя возможным объяснить им все происходящее, он уже начал сомневаться, что было правильно со стороны Данилина, брать с собой этих двух. Он понимал, что случившееся с ним, если на это посмотреть со стороны, имеет слишком много всяких «но», из-за которых все это можно сочти за полнейший бред, поэтому он просто кашлянул и, приложив палец к губам, сказал с полной серьезностью:

– Как-нибудь потом, ребята. Если я правильно понимаю, – он посмотрел на часы, – то мы в нужном месте и в нужное время, поэтому, если это произойдет сегодня, давайте про-

сто выполним приказ.

Оба снайпера совершенно одинаково пожали плечами и, отвернувшись от Петра, взяли винтовки на изготовку.

Особист решил, что ему тоже не помешает достать из кобуры пистолет, но, как только он это подумал, раздался какой-то шум, и над стеной взвился огромный черный лохматый страшный рычащий волк.

Опешившие и испуганные снайперы стали стрелять, но ни один из них не мог попасть в гигантского зверя, слишком неожиданными для них были его размеры, слишком неправдоподобным казалось происходящее, слишком страшно он рычал, слишком сильно они были удивлены.

Но Петр, который был предупрежден свыше и готовился к этой встрече заранее, хорошо знал, что ему ожидать. Не растерявшись, он молниеносно выхватил пистолет и уверенно направил его на фигуру громадного зверя.

И тут снова произошло это...

Он нажал на курок, но выстрел не прозвучал.

Однако он видел, как из дула пистолета медленно вылетела пуля, и вслед за ней сноп пламени.

Снова выстрел... Другой... Третий...

В полной тишине он смотрел на то, как пули медленно летят, оставляя за собой спиралевидный след, и вонзаются в темное тело оборотня, выбивая из него брызги крови, в то время как зверь, широко раскрыв клыкастую пасть, и растопырив лапы, еще медленнее приближался к занесенной сне-

гом земле.

...Страшный рев неожиданно ворвался в его сознание, когда оборотень, вдруг ускорившись, приземлился на все четыре конечности, но споткнулся и, упав навзничь, прокатился кубарем по снегу. После чего он вскочил и, сделав пару неверных шагов, довольно резво бросился по направлению к гаражам.

Петр попытался выстрелить ему вслед, как, впрочем, и снайперы, но больше ни одна пуля не попала в цель. Несколько секунд, и страшный зверь скрылся из виду.

«Он бежит ко мне в дом!» – мелькнула мысль у Петра, и он с криком: «За ни-и-им!» бросился вдогонку гиганту.

В сопровождении двух снайперов он вбежал в узкое пространство между гаражами, видя в нескольких десятках метров впереди темный силуэт оборотня.

Зверь замедлил ход, и особист подумал, было, что тот слабеет и сейчас упадет замертво. Однако его предположение было ошибочным. Огромный волк внезапно остановился как вкопанный, резко развернулся и побежал навстречу своим преследователям. Опешив от столь неожиданного действия, снайперы с криком бросились бежать, и только Петр не поддался их испугу и, мгновенно остановившись, поднял пистолет, готовый встретить своего врага лицом к лицу.

Гигант сделал несколько прыжков и... остановился напротив особиста.

Миг!

Их взгляды встретились, и молодой офицер подумал, что вот так, наверное, смотрит на тебя твоя смерть. Ведь, если эту тварь не свалили столько пуль прямого попадания, то, наверное, сейчас ему, Петру, придется-таки принять свою неминуемую смерть. И он не отступил, а твердо расставив ноги, упрямо встретил этот тяжелый взгляд налитых кровью огромных злых и удивительно умных глаз, крепче сжимая рукоять пистолета и думая, что если уж стрелять, то наверняка.

* * *

Второй раз в жизни глядя в эти смелые глаза, Канни испытывал внутреннюю борьбу. От этого человека исходило сразу два запаха, один принадлежал старшему брату, но был более слабым, и явно шел от его одежды. Второй был сильнее, исходил от него самого, но принадлежал тому неизвестному, о котором спрашивал Алекс, и который грузил вещи в машину в Мурашах, о чем оборотень в свое время предпочел не говорить колдуну. Но сомнений быть не могло, пазлы сошлись, и теперь все стало понятно. Это был он, старший брат, который уже однажды стрелял в него, Канни, и который, судя по всему, намерено изменил свой запах, чтобы ввести в заблуждение волчье чутье своего преследователя. С одной стороны, оборотень нашел своего врага, и теперь мог

расквитаться с ним, потому что ему было больно, и очень хотелось отомстить и за эту, и за всю предыдущую боль, которую ему причинил этот человек. С другой стороны, что-то было необъяснимое в этом старшем брате, и даже, как показалось оборотню в этот миг, что-то настолько близкое и родное, что у него внезапно пропало всякое желание его убивать, хотя сейчас, пожалуй, он мог бы это сделать легко как никогда.

Огромный волк знал, что, хотя в его теле и застряло несколько пуль, нужно лишь какое-то время, чтобы они вышли. И пусть это было больно, за последнее время он настолько привык терпеть боль, что это было мелочью в сравнении со всем тем, что ему вообще пришлось вынести. Он твердо знал, что даже если в него выпустят еще несколько десятков других пуль, он все равно не потеряет способности двигаться и действовать, и ему даже не потребуется сильно напрягаться, чтобы убить этого упрямого и смелого человека, и тем более тех двух других трусливых людишек, бросившихся наутек.

Останавливало другое. Старший брат вызывал у оборотня восхищение. Восхищал и его взгляд, и его смелость, и его решимость, если необходимо, встретить свою смерть, и при этом встретить достойно, с высокоподнятой головой. Восхищало упрямство этого человека, который был таким не просто ради упрямства как такового, чтобы кому-то что-то доказать, а потому, что он стоял за правду и боролся за свою спра-

ведливость, и Канни знал, что старший брат прав, и Правда, если таковая вообще существует, стоит на стороне этого упрямого человека, а не на стороне его – Канни.

Потребовалось лишь короткое мгновение молчаливого поединка двух пар этих глаз, после чего оборотень, вмиг сгруппировавшись, сделал огромный скачок в сторону Петра. Особист отпрянув, попробовал выстрелить противнику в сердце, но то ли потому, что он внезапно ощутил какую-то слабость в своей руке, то ли потому, что оборотень как-то странно и быстро крутанулся в воздухе вокруг своей оси, но он промахнулся, и пуля лишь слегка задела мохнатую шею, вырвав из нее клочок шерсти. Брызнула кровь. Гигантский зверь издал ужасный рев, пролетел прямо у Петра над головой и на лету молниеносно выбил у него пистолет из руки, каким-то непостижимым образом умудрившись аккуратно зацепить его когтем за курок и швырнуть в снег. В следующий миг зверь тяжело приземлился по другую сторону Петра и, обернувшись глухо заворчал. Потом, не дожидаясь реакции особиста, резко повернулся и, оставляя после себя дорожку крови на снегу, помчался снова туда, откуда только что прибежал.

Как в тумане, Петр изумленно наблюдал за тем, как волк добежал до забора, одним мощным рывком прыгнул на заснеженный холм, вторым – на крышу сарая, а третьим окончательно перемахнул через забор, лишь немного черкнув задними лапами по колючей проволоке.

Какое-то время он еще стоял, будучи в ступоре от всего, что только что произошло, слушая биение своего сердца и треск сучьев от удаляющихся в лес скачков страшной черно-серой громадины.

Сколько он так простоял, сказать было трудно, но вывел его из этого состояния Данилин, который в конце концов подъехал и, остановив чуть поодаль машину, подошел к нему одновременно с двумя молодыми офицерами, все еще дрожащими от страха.

– Н-да, точно такие же, как на фотографии, – задумчиво сказал подполковник, разглядывая следы, оставленные чудовищем на снегу. – Получается, что убить его вам все-таки не удалось, да?

Петр молча пожал плечами, все еще пребывая в своих мыслях.

Один из офицеров подошел к следам и достал свой смартфон, чтобы их сфотографировать.

– Что скажешь? – Продолжал свои вопросы Данилин. – Мне отправить отряд по его следу пока не поздно, или что? Судя по крови на снегу, ты в него-таки, всадил пару-тройку пуль, да?

Кашлянув, Петр наконец повернулся к другу и глубоко вздохнул.

– Думаю, нам больше не придется его убивать.

– Это почему же? – удивился Данилин.

– Не уверен, что мой ответ будет хоть сколько-нибудь тебе

понятен, но... я прочитал это у него в глазах.

– Что?! Ты сказал, п-прочитал?! В глазах?! У этой зверюги?! – Петр даже улыбнулся, тому как сильно был изумлен подполковник.

Наклонившись, особист поднял свой упавший на снег пистолет и покачав головой, задумчиво сказал:

– Да, как бы абсурдно это не звучало. – Он многозначительно указал на свой пистолет и продолжил: – эта, как ты говоришь, зверюга, выбила его у меня из руки, зацепив за курок когтем в тот момент, когда он сделал сальто у меня над головой. Как он сумел такое провернуть, понятия не имею, но я точно знаю, что он мог бы меня с легкостью убить. Причем, наверное, несколько раз. Вспороть мне горло или живот, например, так же просто, своим огромным острым когтем, которым он аккуратненько зацепил этот пистолетик за курок, вырвав из моей руки и бросив в снег. И... он не стал этого делать. Вместо этого он повернулся ко мне и что-то проговорил на своем волчьем языке. А потом... развернулся и спокойно убежал.

– Извини пожалуйста, Петр, но ты несешь чушь. Подумай хорошенько. Ты здесь, потому что эта тварь за тобой охотится. Зачем он сюда пришел? Разве не по твою душу? – продолжал удивляться Данилин.

– Уверен, что по мою, хм... Сто процентов, по мою... Нда-а. Забавно! Видимо, только что что-то произошло, и поэтому он вдруг поменял свои намерения.

Подполковник нервно засмеялся и несколько раздраженно сказал:

– Короче, мне все понятно. Ты пережил сильнейший стресс и несешь полный бред. Сюда, ребята.

Офицеры тут же подскочили, хотя было понятно, что они все еще ужасно напуганы, но Петр поднял руку и отрицательно замотал головой.

– Нет-нет, не надо. Не стоит этого делать. Поверь мне, дружище, я не шучу, и я вполне в здравом рассудке.

– Н-но ведь, м-м, – попытался возразить Данилин, но Петр уверенно проговорил:

– Уверяю тебя, он больше здесь не появится. Я это точно знаю. И как я оказался прав насчет того, как и зачем он сюда придет, так же точно я прав и насчет того, что больше он этого делать не станет.

– Э-э... даже не знаю, – Данилин пожал плечами в недоумении, – я начинаю тебя бояться, Петр. Ты что, становишься ясновидящим?

Усмехнувшись, Петр переглянулся с двумя офицерами и чуть подмигнул им, чтобы хоть как-то их ободрить, такими бледными и обескураженными были их лица. Затем он перевел взгляд на друга и спокойно посмотрел ему в глаза:

– Не думаю, что настолько, но какие-то вещи я все же начинаю понимать. Если тебе так это интересно, можешь уточнить этот момент у старика Вениамина, поскольку я даже сам для себя не могу объяснить большую часть того, что проис-

ходит. Но я все же уверен на все сто, что этот волк здесь больше не появится и за мной охотиться не будет. Будет ли вместо него кто-то другой... пока не знаю. Возможно. Но точно не он.

Сказав это, Петр уверенно пошел к машине.

Снова пожав плечами, Данилин вздохнул и, кивнув офицерам головой, последовал примеру своего друга, приговаривая на ходу:

– Ты вот лучше скажи мне, что ты собираешься делать дальше? Ведь, если тебя обнаружила эта зверюга, значит тебя обнаружили в принципе. А это означает, что теперь сюда в любой момент могут нагрянуть эти их летающие штуковины, усыпить весь поселок, и что тогда? Ты об этом подумал?

«Н-да, об этом я по крайней мере пока еще точно не думал», – мысленно ответил Петр и, закрыв глаза, впервые полностью осознанно мысленно обратился к Богу: – «Господи, как я вижу, до сих пор Ты меня хранил. Я пока не понимаю, почему Ты так решил, и кто я такой для Тебя, что Ты меня так защищаешь? Но я понимаю, что все это не может быть простым совпадением. Думаю, что я разберусь в этом позже, а пока просто прошу, сохрани меня и на этот раз от всех махинаций этих людей...»

Все вокруг вдруг затряслось, и Сюзи, пробудившись от своего сна, посмотрела в иллюминатор.

Гнусавый голос стюардессы сообщил:

«Наш самолет только что благополучно произвел посадку в городе Сыктывкаре. Капитан воздушного судна просит всех пассажиров оставаться на своих местах до полной остановки самолета...»

Сюзи перевела дух и закрыла глаза, чтобы немного успокоиться и унять свое волнение.

– Спокойно, Сю, спокойно. Все хорошо, – стала она повторять про себя. – С тобой все в порядке. За тобой никто не гонится. Тебя никто не ищет, и никто, кроме Вениамина и, может быть, друзей твоих приемных родителей, не знает. Еще неизвестно, живы ли они, но это, не важно. Вениамин жив. А главное... главное...

Она почувствовала, что комок подступил к ее горлу, и она может в любой момент разрыдаться, когда думает о Косте.

В последний раз она была здесь больше чем три года назад на похоронах родителей. За два года до своей смерти отец позвонил ей и предупредил ее, что через два года «пойдет домой». Так он говорил о своей кончине. Он просил ее, чтобы она рассчитала время отпуска так, чтобы приехать домой и проводить его в последний путь. Сюзи до сих пор жале-

ла, что не отнеслась серьезно тогда к его словам, хотя и знала, что он говорит правду. Она считала отца ясновидящим в полном смысле этого слова, хотя сам он так себя никогда не называл. Он говорил, что иногда Бог открывает ему что-то, а иногда не открывает, поэтому он видит и знает далеко не все. Однако в тех случаях, когда ему что-то все-таки открывалось, и он этим делился с окружающими, он никогда не ошибался. Отец сказал тогда, что он не знает дня и часа своего «отшествия», но наверняка знает месяц. Август, конец лета, самый сезон. Для Сюзи совсем неудобное время для отпуска. Тем не менее, она все же запланировала поездку домой на конец Августа, надеясь, что отец хотя бы на этот раз ошибся, а если нет, то его Бог понимает, какое у нее горячее время, и все устроит так, чтобы она успела.

Просила ли она об этом? Нет, не просила. Она вообще не любила обращаться к Богу, поскольку считала себя недостойной Его внимания. Верила ли она в Него? В том смысле, что Он есть, верила безусловно. Она слишком много видела Его действий в жизни своих приемных родителей, чтобы не сомневаться в Его существовании. Следовала ли она их советам? По большей части, да, хотя ей далеко не всегда было понятно, почему они просят ее о том или о другом. Она любила их искренне и сильно, была им безмерно благодарна за то, что они приняли ее, и за все остальное, что они для нее сделали, поэтому ей было не сложно их слушаться даже, когда это было непонятно. Если бы не потеря мужа, она бы,

скорее всего, все еще жила здесь. Здесь она обрела свой дом, нашла свое счастье, получила все, в чем только нуждалась. Но когда ее супруг Игорь погиб, все, буквально все в этом доме стало напоминать ей о нем. В какой-то момент это стало настолько невыносимо, что она решила полностью все оставить и уехать не просто в другой город, а вообще, в другую страну. Поменять имя, работу, образ жизни, все! Радикально поменять обстановку, чтобы только забыться. Это было не просто, но ей это удалось. Она стала не Татьяной Светловой, а Сюзанной Луче, теперь у нее была своя контора по переводам на иностранные языки и свой небольшой канцелярский магазин с детским уклоном. Поэтому август для нее был самым жарким месяцем в плане покупок к новому учебному году. Родители ее не осуждали за ее выбор. Они отнеслись к ней с сочувствием и пониманием, как, в общем-то, и всегда. Сюзи ушла в работу с головой, и стала все реже и реже созваниваться с домом. Время летело быстро, но ей казалось, что отец еще очень даже крепок и полон сил, и проживет еще лет до ста. Когда он сказал ей, что уйдет через два года, она даже позволила себе в полушутливой форме сказать по этому поводу что-то вроде: – «Да, ладно тебе, папочка. Куда ты собрался? Тебе еще жить да жить!»

В результате, ей пришлось все отменить и примчаться на две недели раньше той даты, на которую она себе приобрела билет, который ей пришлось сдать и потерять кучу денег, что, в общем-то, в тот момент её вообще не интересовало.

Как ни странно, но она прибыла в родительский дом раньше всех других детей.

Когда Таня-Сюзанна вошла в дом, заплаканная мать бросилась к ней, и они долго стояли так вместе, крепко обняв друг друга и плача навзрыд. После чего, мать, наконец успокоившись, чуть отстранилась от нее и с любовью посмотрела ей в лицо.

– Осунулась немного, видно, не спала в эту ночь, да? – Сюзанна молча закивала головой. Мать провела ладонью по её щеке. – А так, в целом, выглядишь неплохо. Как у тебя на личном фронте? Есть какие-то наметки?

Сюзанна отрицательно мотнула головой:

– Нет, мамочка. Никаких наметок.

– Ну, и хорошо. И не надо пока. Отец сказал, что года через три у тебя все наладится. Я этого уже не увижу. Но, это и не важно. Главное, что я тебя еще разок увидела перед смертью. Я точно знаю, что у тебя все будет хорошо. Просто в свое время. Ты же знаешь, Бог никогда не опаздывает. А ты у Него на особом счету, я уверена. Так что...

– Ты-то куда собралась, мамочка? Рано тебе еще! – испуганно спросила Сюзанна, прервав поток маминых слов, зная по опыту, что, если мать не остановить, она может говорить без остановки два часа подряд.

– К Аркаше моему, доченька. Мне здесь без него не жить. Да и, смысла нет. У старших своя жизнь. Им не до меня. Ты уехала, Катя с мужем тоже. Так что, мне уже пора в вечность.

Но это и нормально, дорогая. Я уже свое пожила, теперь пора и домой...

— А внуков воспитывать, мамочка?

Мать в ответ только покачала головой, и сказала:

— Идем со мной, я тебе письмо от отца передам. Он просил, чтобы я тебе его лично вручила. А затем, можно и домой.

Она, чуть прихрамывая, пошла в спальню, а Сюзи молча последовала за ней. Подойдя к комоду рядом с кроватью, мать достала из верхнего ящика письмо, написанное красивым аккуратным отцовским почерком. У Сюзи навернулись слезы.

— Вот, Танечка. Отец его позавчера написал при мне и сказал, чтобы я тебе его обязательно отдала лично в руки. Так что, я свою миссию выполнила. Ты его сначала прочти, а потом уже можешь и в комнату пройти, где он лежит. Хотя, его там уже нет, дочка. Это только его земная хижина бездыханная. А сам он сейчас радуется в объятиях нашего Небесного Папочки. Так что, ты сильно не горюй по поводу его смерти. Он здесь ушел, а там пришел. Он всегда говорил, что жить нужно для живых. Для тех, кто еще пока здесь. Ну, ладно. Ты читай, читай. Не буду тебе мешать. У меня еще дела есть.

Мать вышла из спальни, оставив ее наедине с письмом. Через пару часов приехали все остальные дети, и еще кое-какие родственники. Анжела всех встретила, всех разместила, всем дала указания и рассказала, кому и что перед своим

уходом завещал Аркадий. Вечером она устроила большой и радостный семейный ужин, поскольку так ей повелел её супруг, чтобы, когда все соберутся за семейным столом, никто по нему не плакал и не печалился, а все вспоминали только хорошие и радостные события из их совместной жизни. Событий таких было множество, поэтому время пролетело быстро. Все разошлись далеко за полночь.

Усталая, но довольная, мать, наконец, после того, как все улеглись спать, и сама добралась до постели.

Наутро она не проснулась.

«И, ведь, как сказал, так и случилось. Вот ведь, папа!» – С досадой подумала Сюзи.

– Ваш паспорт, пожалуйста...

– А? Что?

Погрузившись в воспоминания, она даже не заметила, как оказалась возле окошка паспортного контроля.

– Ваш паспорт, девушка, – молодой офицер в зеленом мундире с золотистыми погонами смотрел на нее строгими глазами и при этом улыбался.

«Похож на Костю», – подумала она, и улыбнувшись в ответ, протянула ему паспорт.

Сюзи подумала, что единственный реальный контакт, который у нее остался, это ее младшая сестренка Катя, с которой ее связывала просто масса воспоминаний. Первое время после переезда за границу, они часто созванивались и переписывались. Потом сестра вышла замуж, и они стали об-

щаться все реже и реже, а в последнее время и совсем перестали. Но Сюзи точно знала, ее Катюшка всегда ее рада видеть, и даже, если необходимо, предоставить ночлег.

Так же ей, конечно же, хотелось встретиться с Вениамином, одним из лучших друзей отца, потому что только через него она могла узнать хотя бы приблизительно, где ей разыскивать Костю. Она очень пожалела, что не взяла у него никаких контактов, рассчитывая на то, что он ей напишет или позвонит первым.

Кроме встречи со старым охотником, Сюзи планировала посетить еще и престарелых Алексея с Варварой, которым она тоже была благодарна, так как именно благодаря им она оказалась в семье Аркадия и Анжелы. Ей бы, конечно, хотелось повидать еще многих старых знакомых и друзей...

«Как я все это успею?»

И самое главное... всякий раз, когда она об этом думала, комок подкатывал к её горлу, и ей хотелось плакать... она хотела встретить Костю, и каким-то образом она почему-то была уверена, что у нее это получится.

* * *

Неуклюже приземлившись по другую сторону забора, Канни, ломая ветки, помчался в чащу, напрягая все свои физические и душевные силы, чтобы превозмочь ужасную боль

во всем своем теле и успеть сделать то, что он задумал. Никто кроме него не знал, что в тот момент, когда он оказался напротив упрямого особиста и понял, что тот сейчас, несмотря ни на что, будет стрелять в упор, ему вдруг пришла в голову безумная мысль, что он может подставить под эту пулю свою шею и таким-образом попробовать избавиться от встроеного в него чипа. В голове тут же высветилась схема, как он может это сделать, до мельчайших подробностей. Канни прекрасно понимал – чип вставлен в него так, что он завязан с какими-то жизненно важными органами, и поэтому освободиться от него будет не так просто. Однако желание свободы и понимание, что таким образом он сможет, наконец, избавиться от ненавистного контроля и магического влияния всех тех, кто вместе с Алексом похитили Канни и лишили его счастливого детства, было сильнее чувства риска и страха возможной смерти. Оборотень знал, что он сможет осуществить желаемое только, если в момент выстрела сумеет войти в то самое состояние, которое замедляет время вокруг, что до сих пор происходило не по его желанию, а само собой в реально критических ситуациях. Но он был почему-то уверен, что в этот раз у него обязательно получится, и был готов действовать.

Миг!

Человек напротив упрямо расставил ноги и, глядя Канни в глаза сжал рукоять пистолета.

О, этот взгляд! В нем была такая непоколебимая реши-

мость! Ни у кого никогда в жизни Канни не видел ничего подобного во взоре. Казалось, весь мир вокруг замер в этот момент и ожидает того, как же разрешится эта необычная ситуация.

Еще несколько секунд назад оборотень был полон ненависти и желания уничтожить этого человека и доказать ему, что он, Канни, может это сделать. Что он все-таки сильнее. Что он вправе отомстить ему за все... но...

Когда их глаза встретились, огромный волк внезапно совершенно ясно и отчетливо понял для себя, что не станет убивать этого упрямого старшего брата. Ему просто не за что его убивать. Почему, с какой стати он должен его убивать?! Чтобы доказать, что он может это сделать?! Но кому и что он должен доказывать? И самое главное, почему? Только потому, что кому-то захотелось, чтобы Канни его убил? Убил за что? За то, что он, будучи старшим братом, борется за справедливость, и за своих младших брата и сестру, которых непонятно для чего похитил ненавистный Алекс только за то, что они заблудились в лесу и по случайному стечению обстоятельств набрали на секретную базу? И для того, чтобы заставить Канни это сделать, и быть послушным орудием убийства в чьих-то руках, его похитили в детстве и сделали все возможное, чтобы подчинить себе его свободную волю? Его согласия на это никто не спросил. С ним никто и никогда не считался. И сейчас он по их злому умыслу должен убить этого смелого парня? Нет!

Вся внутренность Канни возмутилась в этот момент, и он решил, что он не будет никого убивать просто так по чьей-то указке. И тем более не будет убивать этого человека, упрямо стоящего перед ним и готового стрелять на поражение даже, если этот выстрел ни к чему не приведет.

Оборотень был восхищен смелостью и мужеством этого молодого офицера и, поскольку понимал, что стрелять тот все равно будет, Канни решил, что использует этот выстрел и тем самым, если ему все-таки улыбнется успех, избавится от ненавистного рабства своей души, навязанного ему с самого детства, даже если это будет означать, что этот выстрел его убьет.

Еще какая-то доля мгновения, и он решительно рванулся на встречу человеку...

И...

В этот момент это снова произошло. Звуки исчезли, и все как будто замерло вокруг и стало двигаться очень медленно... все... кроме самого Канни.

Вот человек поднял медленно руку...

Вот он начал нажимать курок...

Вот оно направление дула, и Канни как на экране компьютера увидел у себя в сознании линию траектории пули и понял, как ему нужно повернуться в воздухе, чтобы подставить под эту траекторию свою шею...

Вот имплантат, который он увидел, как бы высвеченный зелеными линиями у себя на шее, и красная точка, куда

– Вот и все, человек! – сказал Канни старшему брату, не сознавая, что вместо членораздельных человеческих слов из его пасти вырвалось лишь глухое волчье рычание. Отвернувшись от него, волк бросился в лес, чувствуя, как начинает медленно слабеть, и понимая, что у него очень мало времени.

Скачок... другой скачок... забор... снег по другую сторону... снова лес...

Силы все быстрее оставляли его. Теперь каждое движение давалось ему с огромным трудом и требовало гораздо больше усилий, чем обычно. Все снова стало замедляться, но по-другому, как бывает во сне, когда хочется от кого-то убежать, а у тебя ноги словно деревянные, и никак не хотят слушаться. Звуки не исчезли, а наоборот стали громкими и давящими. Воздуха не хватало, дышать было больно, в пасти все пересохло, а в глазах стало рябить и темнеть.

В сознании осталась лишь одна мысль: «Нужен сугроб! Нужен срочно сугроб!»

Он помнил, что по пути сюда пробежал мимо одного оврага, где было достаточно снега, чтобы погрузиться в него своей шеей так, чтобы по возможности закупорить рану на шее и остановить кровотечение, с надеждой, что его ускоренная регенерация все-таки успеет справиться со своей задачей заживления прежде, чем он умрет.

Перед тем, как окончательно лишиться чувств, Канни увидел тот самый овраг и, падая, в последний миг повернул

голову так, чтобы упасть шеей на снег и утрамбовать его своим весом, и теряя сознание, бухнулся в глубокую белую пучину.

Глава 2

Теперь они гребли все вместе, но как ни старались, им все равно казалось, что берег приближается слишком медленно. Ветра, как специально, не было. Над океаном царил полный штиль, и их пусть маленький, но все же парус, без малейших признаков жизни висел вдоль мачты, поэтому приходилось грести веслами, на которые Джонни и Андрей налегали изо всех сил. Лере так хотелось на берег, что она тоже пыталась им помочь, как только могла, пытаясь грести ладонями, и таким образом, медленно, но верно они приближались к берегу, который теперь уже был виден даже невооруженным глазом.

– Думаю, что в процентном соотношении твои усилия в сравнении с нашими, это где-то девяносто девять к одному, – со смехом прокомментировал Андрей старания сестры.

– Ну, и что? – ответила она, не теряя энтузиазма. – Пусть и один процент, но это ведь целый процент, не так ли? Мне так хочется поскорее ступить своими ногами на твердую землю.

– Особенно, если нас ждут там какие-нибудь каннибалы, – пошутил Джонни.

– Уверена, что ничего такого с нами не случится. Не может быть такого, что Бог, который спас нас из морской пучины, хранил нас все это время, и в конечном итоге помог нам достичь берега, сделает так, чтобы нас съели какие-нибудь

людоеды, или снова поработили.

– Я бы поспорил с тобой, но, не хочется разрушать твою веру, – задумчиво сказал Джонни, продолжая грести.

– Ну, и какие у тебя аргументы? Давай! Попробуй меня разубедить.

– Хорошо. Только не обижайся.

– И не подумаю.

– Ладно. Вот смотри. Я не спору, что Бог есть, и все такое. Но вот, если Он такой добрый и милостивый, то зачем Он допустил то, что вы вообще попали в рабство? Разве это не самая нелепая вещь, которая произошла в вашей жизни? Или вы были такие супер-грешники, что Он вас за что-то наказал? Как такое могло произойти?

Помедлив с ответом какое-то время, Лера уверенно ответила:

– Не знаю точно, но думаю, что если Он – Творец всего, что вокруг, то у Него разум должен быть намного-намного выше нашего. А значит, Он видит и продумывает все наперед в таких мелочах и деталях, что нам и не снилось. И для меня это означает, что Он знает, что происходит и знает, для чего это происходит. И даже если что-то случается не так, как нам хочется, и нам это не нравится, и совсем не понятно, для чего это, у Него все равно есть Свой великий план на все, и каждая мелочь для чего-то нужна, даже если нам она кажется на данный момент чем-то плохим.

– То есть, по твоей логике получается, что войны, наси-

лия, похищение детей, сексуальное рабство, и все такое, это Его великий план, который служит чему-то доброму?

— Я так не сказала. Я имела в виду, что даже если что-то нам кажется сегодня чем-то плохим, Он может в будущем сделать это чем-то хорошим.

— Хм, интересно! Как можно сделать чем-то хорошим то, что маньяк похищает у любящих родителей шестилетнюю девочку и насилует ее до смерти? Ты не подумай, что я тебя специально провоцирую. Я сам из христианской семьи, и мне с детства читали библию. Большинство из этих историй про Ноя, или Иону, которого проглотил кит, я знаю чуть ли ни с младенчества. Но лично я не нашел для себя ответов на эти, и на многие другие подобные вопросы. А когда я спрашивал об этом у моих родителей, или даже у учителя нашей воскресной школы, они не давали мне вразумительного ответа. Вместо того, чтобы мне все объяснить, они раздражались и начинали на меня кричать. В результате в подростковом возрасте я ожесточился, взбунтовался, и пустился во все тяжкие. Мир, конечно, злой и жестокий, и в нем тоже полно лжи и лицемерия, но, по крайней мере, он для меня понятный и целостный. А в христианстве, во всяком случае, в том, которое я видел у своих родителей, столько всего непонятного. Да, я ничего не хочу сказать. Они были добрые, порядочные и честные люди. Но, как бы это выразиться... Слишком религиозные. И мне кажется, что они далеко не всегда были честны даже сами с собой. Например,

я видел, что отцу нравится поглядывать на девушек, или посмотреть какую-нибудь эротику, но поскольку это однозначно осуждалось в этих кругах, он с этим боролся, и я видел, что он в целом побеждает эти искушения, хотя иногда все-таки поддавался соблазну и втайне от всех смотрел что-нибудь такое. А когда я делал подобное, он на меня кричал и раздражался. Ну, почему бы честно не сказать, что он по этому поводу думает, и не признаться, что он в этом тоже пока еще грешен? В общем, я не знаю. Есть много всего такого, что у меня вызывало, и продолжает вызывать противоречия... Ну, так, у тебя есть ответ хотя бы на этот вопрос?

– На какой? Про маньяка?

– Да. Хотя бы.

Андрей молча греб, усиленно работая веслом, но при этом внимательно слушая разговор. С одной стороны, он готов был поддержать сестру, просто потому, что она была его родной и любимой младшей сестрой. С другой стороны, ему была вполне понятна точка зрения Джонни, и он тоже хотел знать ответы на эти и на подобные им вопросы.

Лера чуть подумала, и уверенно парировала.

– Не знаю, насколько это будет ответом, но у одной маминей знакомой произошел подобный случай. Маньяка потом нашли и посадили, но ее дочка погибла. Кстати, я ее знала, мы в детстве даже дружили, перед тем, как это произошло. Классная была девчонка. Так вот... сначала тетя Капа очень горевала по поводу потери ребенка, тем более, что она боль-

ше не могла рожать. Но потом она взяла и приняла решение вместе с мужем усыновить нескольких детей. Сегодня у них шесть приемных детей, три парня, и три девчонки. Отличные выросли ребята. Я когда туда приезжаю, с ними одно удовольствие общаться.

У Леры чуть дрогнул голос от воспоминания, и Андрей это заметил. Однако сестра быстро справилась со своими чувствами и продолжила:

– Я как-то слышала разговор тети Капы с моей мамой, и она говорила, что потеря ребенка произвела в ней такую сильную перемену и переоценку ценностей и понимания этого мира, что, если бы не это событие, она бы никогда не решилась на подобное. А так, они с мужем подарили семью еще нескольким сиротам, а для этих детей это реально означает будущее, потому что у большинства из них будущего просто нет. Они либо спиваются, либо становятся бомжами, либо уходят в банды и плохо кончают, девчонки часто уходят в проституцию, и все такое. В общем, мрак. Поскольку этот маньяк был воспитанником интерната, тетя Капа стала интересоваться жизнью этих детей. Она говорила, что именно благодаря потере дочери она по-настоящему задумалась над тем, что такое человеческое горе, и стала видеть и понимать человеческие беды. Может быть, мы на самом деле не способны творить добро по-настоящему, пока сами на себе не прочувствуем, что такое реальное зло, и не сделаем для себя свой выбор, что для нас ближе? Говорят же, что сытый

голодного не разумеет.

Над лодкой повисла тишина. Был слышен только плеск весел о воду, крик чаек и дыхание гребцов. Видимо, рассказ Леры заставил задуматься всех. Между тем берег все приближался и приближался.

– Как вы думаете, они специально нас сюда доставили, или это получилось случайно? – наконец нарушила молчание Лера.

– Кто? Дельфины? Предлагаешь их догнать и спросить об этом? – усмехнулся Андрей.

– Нет. Я просто хотела узнать, что вы по этому поводу думаете.

– Я думаю, что, если, как ты говоришь, Бог над всем, и Он все продумывает и просчитывает до мелочей, то ничто не случайно, в том числе и то, как себя повели эти веселые афалины.

– А ты, Джонни? Что ты думаешь? – не унималась Лера.

Мулат промычал что-то невнятное, и потом нехотя ответил:

– Что думаю? Я пока все еще думаю над тем, что ты сказала. Честно говоря, я никогда не размышлял над человеческими бедами в таком ключе. И ты знаешь, возможно, что ты права. Когда я ушел из родительского дома, я начал курить, и курил лет десять. Но затем мой лучший друг заболел и умер. Умер он от рака легких, и когда я спросил врача, почему, тот ответил, что это однозначно из-за сигарет. Он так

мучился, когда умирал. В общем, как бы там ни было, но... с тех пор я не курю. Лет пять уже, наверное. И не тянет, ведь! Как отрезало. А пока не потерял близкого человека, дымил как паровоз.

– Смотрите! Там, на берегу. – Прервал их Андрей. – Кажется, нас уже ждут.

Они оба перестали грести, и Джонни, взяв бинокль, посмотрел на берег.

– Да, смотри-ка! Хотя, чего я удивляюсь? – сказал он.

– Что там, что? – с нетерпением спросила Лера, которая без бинокля видела только, что на берегу вроде как есть какие-то люди. – Дай мне посмотреть.

Джонни протянул ей бинокль.

– Судя по одежде, это, скорее всего, зулу. Нас прибило к Южной Африке. Что ж, по крайней мере, они точно не каннибалы, – сказал он без особенной радости.

– Нам можно ожидать чего-то плохого? – с тревогой в голосе спросила Лера, глядя в бинокль. Люди на берегу выглядели совершенно неопасными. Среди них явно были женщины с малыми детьми, и мужчины, которые мирно что-то носили туда и сюда. Некоторые из них поглядывали в сторону приближающейся лодки, и показывали на нее руками.

В ответ на ее вопрос Джонни пожал плечами и сказал:

– Честно говоря, я не знаю. Я мало разбираюсь в географии и особенностях разных народов.

– Они, хотя бы, говорят на Английском? – спросила Лера.

– О, да! Многие зулу говорят на Английском, – ответил Андрей и, взявшись за весло, продолжил грести: – Насколько я знаю, их около десяти миллионов, и некоторые живут вполне цивилизованно в больших городах. Есть так же и те, кто живут в простых деревнях, но в целом, они – обычные люди.

– Ну, и слава Богу! – с облегчением вздохнула Лера. – Значит, договоримся.

– Смотрите! – снова привлек внимание Андрей, показывая куда-то вправо.

Они посмотрели. К ним довольно быстро приближалась небольшая моторная лодка сине-белого цвета. Человек, стоящий на носу лодки махал руками и что-то кричал. Пока что было непонятно, какие у него намерения, злые или добрые.

Лера сложила руки перед собой и, склонив голову, заговорила:

– Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы с нами поступили хорошо. Сделай, пожалуйста, так, чтобы с нами поступили хорошо...

Подул небольшой бриз, и Джонни поставил парус по ветру. Они двинулись вперед заметно быстрее. Теперь было отчетливо видно даже невооруженным глазом, что почти все люди на берегу, а их было человек двести, прекратили свои дела и, повернувшись к океану, смотрят в их сторону.

Пройдя все необходимые пункты контроля, Сюзи, наконец, вышла из здания аэропорта, со вздохом облегчения. На улице был небольшой мороз, поэтому она, остановившись, огляделась, высоко подняв голову и с удовольствием вдыхая прохладный воздух.

– Такси, девушка? – приветливо улыбаясь, учтиво предложил ей один из стоящих у выхода таксистов, седовласый бородатый водила, видя, что ее никто не встречает.

Взглянув на него, она улыбнулась в ответ и задорно спросила:

– А до центра сколько будет?

– Тысяча рублей, девушка, – ответил он, но увидев сомнение у нее на лице, поспешно добавил: – Для вас сделаем за восемьсот.

– Ладно, поехали.

Закинув вещи в багажник ненового, но добротного мерседеса, Сюзи села в машину, удобно устроилась на заднем сиденье и назвала адрес.

Мягко тронувшись с места, бородатый водитель быстро набрал скорость, и мимо понеслись знакомые дома и улицы, а вместе с ними и воспоминания с ними связанные.

В тот день шел дождь. Таира стояла у могилы под зонтиком и горько плакала. Был сороковой день, как Игоря не стало, и все, кто собрался его помянуть, уже разошлись, а она едва дождалась этого момента, чтобы нанять такси и поехать на кладбище и побыть там одной.

Стоя перед надгробным камнем, она смотрела на выгравированный на нем портрет мужа, плакала, и ничего не говорила. У нее просто не было слов, и она не видела смысла в том, чтобы говорить с умершим, который тебя не слышит и больше уже не может тебе ответить.

Сколько она так простояла, час, два, три или даже больше? Она была в каком-то ступоре. Все ее чувства как будто заиклились на одном только этом событии, потери горячо любимого мужа и еще не рожденного ребенка.

Когда над кладбищем воцарилась тьма, Таира вышла из состояния отрешенности и огляделась. Вокруг стояла такая глубокая тишина, что она могла услышать шум крови, текущей по ее венам.

Дождь прекратился, но вместо него подул холодный северный ветер, и Таня поежилась. Она подняла глаза к небу, но кроме черноты не увидела ничего, небесный свод был плотно затянут темными непроглядными облаками.

– Ну, и что теперь? – тихо спросила она Того, о Ком так

много слышала от своих приемных родителей, но к Которому так редко обращалась. – Ты думаешь, что это нормально, оставить меня совсем одну, и отнять у меня и мужа и дочь? Это как называется?

Постепенно ее голос крепчал, и она говорила все громче и гневнее.

– Ты считаешь, что это правильно, со мной так поступать? И, что я Тебе плохого сделала, что Ты со мной так? Или это за то, что я во всем слушалась отца, который Тебе служил всей своей жизнью?

Она немного помолчала, но в ответ услышала только вой ветра в ветвях деревьев.

– Отец говорил мне, что Ты меня любишь. Это по-Твоему, любовь?

Темное небо в ответ молчало, и Таира, понимая, что нет никакого смысла стоять посреди могил и кричать туда вверх, в сердцах махнула рукой и повернулась, чтобы пойти домой.

Однако это оказалось не так просто. Место для Игоря на старом уже давно заросшем городском кладбище было куплено еще его состоятельным дедом, который был со странностями и, составляя завещание внукам, среди всего прочего оставил им в наследство в том числе и заранее купленные места на кладбище. Если не считать этого особого случая, и других подобных, но единичных, кладбище было уже давно переполнено, и мест для захоронения здесь больше не предоставляли.

Деревья вокруг были высокими и толстыми, а кустарник таким густым, что заполнил многие дорожки и подступы к могилам.

Таира попробовала в темноте найти дорогу назад, но это было почти то же самое, что продираться сквозь девственный лес. Вскоре она промокла и ужасно замерзла. Ветер поднялся, и теперь кроны деревьев шумели, а высокие стволы качались и скрипели друг о друга.

Девушке сделалось страшно. После нескольких неудачных попыток выйти на центральную дорогу, она отчаялась. Ее совсем не радовала перспектива, бродить по ночному кладбищу в поисках выхода. Когда ее в очередной раз окатило водой от нависшего над дорожкой какого-то куста, она неожиданно для себя вдруг разозлилась и, почти не отдавая себе отчета в том, что делает, быстро разделась, сложила свои вещи в сумку и приказала себе: «Рысь!»

Она так давно не превращалась, что уже забыла, какими бывают при этом ощущения. Предпоследнее ее превращение было в больнице, когда ее обожжённое лицо чудесным образом восстановилось. После этого она превратилась всего лишь однажды, когда ей что-то не понравилось в том, как ее воспитывал Аркадий, и она, проявив строптивость, убежала из дома.

Это было под вечер. Под покровом тьмы Таира обратилась, и умчалась в лес, вернувшись обратно почти под утро, когда уже начинало светать. Убегая, она даже забыла раз-

даться перед превращением, так была разозлена, поэтому, подобрав свою порвавшуюся во время превращения одежду, надела на себя то, что можно было хоть как-то одеть и так вошла в дом. Не давая объяснений удивленным до крайности родителям, она сразу шмыгнула в свою комнату, но после этого Аркадий несколько дней так испытывающе на нее смотрел, как будто он все знает и видит ее насквозь. Ей почему-то стало так неловко и стыдно за свое поведение, что она еще долго мучилась угрызениями совести. После этого она решила, что слишком многим обязана этому человеку и, хотя бы только ради него ей стоит отказаться от этой своей особенности. С тех пор прошло уже шесть лет, за которые она не превращалась ни разу, и даже не знала, а может ли она все еще делать это?

Однако сейчас она была измотана морально из-за непонимания всего того, что с ней произошло. Ей казалось, что Бог по какой-то непонятной причине обиделся на нее, и теперь «держит на нее зуб». Поэтому, хотя она и знала, что Он не одобряет ее превращение, поскольку это является колдовством, и это греховно, внутри нее все взбунтовалось против столь жестокой потери, которую она пережила, и она, можно сказать, даже сделала это Ему на зло.

Превращение было более чем болезненным, она издала очень громкий и ужасный звериный рев, и чуть не потеряла сознание. Какое-то время она еще стояла на четырех лапах, находясь в шоковом состоянии от своих ощущений, после

чего постепенно приходя в себя, она стала осознавать, что происходит вокруг, и поняла, где она находится. Будучи зверем, она все видела и чувствовала, но в этот раз ей почему-то было очень неуютно быть в этой шкуре, как будто злая природа Заклятия стала ей окончательно ненавистна.

Подобрав свою сумку, осторожно и бесшумно ступая кошачьими лапами по тропинкам кладбища, Таира сразу же нашла центральную дорогу, и медленно пошла к выходу.

Вход на кладбище оказался уже закрытым. Рядом со входом стояла часовня, а рядом с ней небольшая сторожка, в которой горел свет. От человека, находящегося внутри исходил сильнейший запах страха.

«Услышал мой рев», – подумала она, и решила, что ей лучше всего как можно быстрее покинуть это место.

Она прошла вдоль ограды, легким прыжком запрыгнула на каменный забор, прошлась по нему и, убедившись, что вокруг никого нет, спрыгнула вниз и побежала домой, стараясь идти по самым безлюдным местам. Прodelав большую часть пути, она забежала за кусты в небольшом скверике недалеко от того места где жила, чтобы обратиться.

Превращение произошло быстро, но тоже очень болезненно, хотя и не настолько, как несколько минут назад. С трудом удержавшись от крика, Таира, тем не менее, застонала от боли и еще какое-то время стояла, опершись на парковую ограду, чтобы прийти в себя. Затем она быстро переоделась и медленно поплелась домой.

Когда она открыла дверь в пустую квартиру мужа, на часах было уже три часа ночи. Войдя внутрь, она обнаружила, что Аркадий и Анжела сидят у нее на кухне и ждут ее. По красным и опухшим глазам матери было видно, что она долго плакала.

«Видимо, молились за меня», – подумала Таира, и в тот же миг твердо решила для себя, что больше превращаться не будет.

– Что же ты, девочка моя, даже телефон с собой не взяла? – всплеснула руками мать. – Мы уж с папой не знали, что и подумать...

* * *

– Приехали! – вывел ее из воспоминания голос таксиста.
«Так быстро? – удивилась она. – Как я не заметила?»

Сюзи посмотрела в окно и увидела незнакомый зеленый забор и калитку с тем адресом, который она назвала таксисту. Незадолго до ее приезда Катя с мужем переехали из квартиры в частный дом, и теперь жили здесь. Сюзи у них еще ни разу не была.

Расплатившись, она вышла из машины, взяла свои вещи из багажника, поблагодарила водителя, и с замиранием сердца пошла к калитке.

Звонок...

Ожидание...

– Кто там? – радостно спросил ее до боли знакомый голос любимой сестры в домофон.

– Катюшка, это я, Таня.

– О-о! Танька! – взвизгнула сестра, и в ту же секунду прозвучал щелчок автоматической защелки, и калитка открылась.

Сюзи вошла, а сестра уже бежала к ней навстречу с распростертыми объятиями.

Бросившись к ней на шею, она стала ее бесцеремонно расцеловывать в обе щеки, приговаривая при этом.

– Ба-атюшки святой! Это кто же к нам пожаловал. Татьяна Аркадьевна Светлова собственной персоной. Прямо из Италии. Или как там тебя теперь по новому паспорту? Сюзанна Луче! Не понимаю, зачем тебе потребовалось менять свое имя? Почему бы не оставить русское? Что, в Италии Татьян не любят что ли?

– Хватит болтать, Катька, – смеясь, отвечала Сюзи, – а то весь язык выболтаешь.

Ей было несказанно приятно быть здесь, снова видеть свою сводную сестру и снова слышать ее болтовню. В этом Катерина почти полностью унаследовала манеру своей матери, и была такой же говорливой. А поскольку голос у нее был один в один похож на мамин. Сюзи тут же вспомнила, как она впервые вошла в дом Светловых и услышала неугомонную речь Анжелы.

– Не выболтаю, Танька. Никогда-никогда, хоть бы даже и в тысячу раз больше болтала, все равно не выболтаю. Ты же знаешь наших. Что я, что мамуля, царство ей небесное. Мы с ней за словом в карман не полезем, оно у нас прямо тут, в точности как написано: «близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём». Так что, не дожدهшься, моя милая. Это уже от нас не отнять.

– Там же вроде про Слово Божье написано, а не просто про свои слова?

– Эко ты как?! Про Слово! Конечно про Слово. Но только, ну и что, что про Слово. А разве я не Слово говорю. Ну, не всегда, конечно, но почти.

– Ну, да, конечно, – засмеялась Сюзи.

Они вместе зашли в дом, и Катя сказала:

– Да, кстати, забыла тебе сказать, что тебя здесь уже ждут.

– Кто ждет? – удивилась Сюзанна.

В этот момент они вошли в зал, и к ним навстречу с радужной улыбкой поднялся Вениамин.

* * *

Красная лампочка и противный зуммер красноречиво свидетельствовали, что агентом № 213 что-то произошло. Либо случилась окончательная трагедия, и его все-таки убили, либо он каким-то чудом, что было маловероятно, но все

же допускалось, избавился от чипа и, что было еще менее вероятно, после этого выжил и попробовал скрыться. В любом случае это все равно требовало проверки и безотлагательных действий. По поступающему сигналу можно было судить лишь об одном; чип был извлечен из тела агента и сейчас находится где-то на открытом воздухе. Магнус, один из подчиненных Тенниуса, под контролем которого теперь находился данный субъект, тут же доложил обстановку своему начальнику, и тот решил выслать на место, откуда поступал сигнал, другого агента, доставив его на нужное место под прикрытием ночи на своем флаунтере. Случайно, волею судьбы, или намерено по решению Тенниуса, но этим агентом должен был быть № 158, человек-барс.

Однако, прежде чем дать 158-му задание, маг решил все-таки выяснить детали, и для этой цели поручил Магнусу исследовать обстоятельства дела. Когда колдун положил на стол рапорт, и маг прочитал его, у него зашевелились волосы на голове.

Понимая, что все намного серьезней, чем он предполагал, Тенниус на день раньше приказал освободить Алекса от наказания, и даже провел его через специальную восстанавливающую терапию, поскольку тот был слишком сильно разбит и подавлен после пройденных почти до конца пяти кругов, и неспособен на нормальный разговор. После терапии Тенниус довольно долго разговаривал с Алексом, выясняя некоторые интересующие его подробности, и услышав еще бо-

лее шокирующие его вещи, в срочном порядке собрал Пентаграмматон – Совет пяти главных магов.

Итак, пять человек, каждый напротив своей буквы, соответственной своему титулу и занимаемой должности, собрались за столом на веранде базы № 18.

Стараясь быть кратким, Тенниус изложил перед собравшимися суть дела.

Чем дальше он продолжал, тем больше ажиотажа вызывал его доклад у слушающих, что было явно из их реакции, эмоций и удивленных возгласов.

Когда доклад был окончен, на некоторое время над столом повисла тяжелая тишина, после чего маг Оунн нарушил молчание.

– Если я правильно понимаю услышанное мной, то теперь в лице 213-го мы имеем противника, который по силе превосшел своего хозяина и, возможно, даже претендует на уровень мастера?

– Если он все-таки жив, что само по себе мне представляется едва возможным, то, скорее всего, да. Но лично я считаю, что утверждать подобное преждевременно, – высказал свое мнение маг по имени Нонни.

– И вы думаете, что чип оказался вне его тела случайно? – Спросил его Альетте.

– Да. Думаю, что, поскольку в него стреляли, пуля могла именно случайно попасть в сонную артерию и вырвать чип. Но, для меня это значит, что он, наверняка, уже мертв.

– А то, что 213-й демонстрирует невероятную живучесть, способность терпеть максимальный уровень боли, победу над колдунами серьёзного ранга и неслыханную дерзость против хозяина, вас не беспокоит? – Спросил его Сауррис.

– Если он уже мертв, то никак не беспокоит. А вот, если он все-таки жив, обеспокоиться, думаю, стоит, – сказал невозмутимо Нонни. – Но я скорее склонен считать, что это его хозяин оказался слабоватым для мастера, а не он настолько силен.

– Я все-таки предлагаю действовать наверняка и, жив он или мертв, отправить туда агента на поражение соответственного уровня и подготовки, чтобы истребить его в любом случае, – тоном, не терпящим возражений, сказал Оунн.

– 105-го? Медведя? – предложил Сауррис.

– По силе, да, но думаю, что может не хватить скорости, – возразил Нонни.

– 64-й? – предположил Альетте, но тут же отказался от этой мысли: – хотя, нет. Не справится он с ним.

– Думаю, сюда подойдет 158-й, – предложил Тенниус, и все, взглянув на него, закивали в знак согласия.

– И, как я понимаю, судя по информации, которую мы имеем из записи, 213-й все же обнаружил старшего брата, но не убил его. С одной стороны, он выполнил приказ. Но с другой, если предположить, что у него конфликт только с Алексом, и он все-таки решил выполнить задание, то почему он не доложил нам? Для меня это пока странное поведение,

как и многое из того, что делает этот агент, но не суть. Поэтому, 158-й ли, или еще кто, но я думаю, нам стоит наконец покончить с этим молодым выскочкой Петром, – с хмурым выражением лица сказал Нонни.

– Разумеется, – кивнул Тенниус, – после того, как разделается с 213-м.

– А почему, не наоборот? – спросил Оунн.

– Какая разница, уважаемые, в каком порядке будут устранены эти двое? Главное, чтобы они оба были устранены. Дадим ему задание, убрать обоих, и пусть убирает. Мусор, он и есть мусор. Главное, чтобы был убран, не важно, в какой очередности, – раздраженно заметил Альетте. – Предлагаю на этом закрыть этот вопрос, и начать обсуждение других не менее важных вопросов.

– Хм... я бы не стал так торопиться, уважаемый Альетте, – настоящим тоном сказал Оунн. – Можно, конечно, утверждать, что это Алекс оказался слабым, но я хочу вам напомнить, что до этого случая с этими злополучными подростками Алекс вполне соответствовал и своему уровню, и знаниям. Так что, возможно, мы имеем дело с вмешательством Врага, и я бы не стал недооценивать ситуацию и поступать легкомысленно. Лично у меня есть ощущение, что и Алекс, и даже мы все время что-то недооцениваем в этой ситуации от самого ее начала. И чтобы нам не повторять прошлых ошибок, лучше перестраховаться. Лично я не имею ничего против 158-го, но есть ощущение, что его может быть

недостаточно.

Нонни поморщился.

– Мне кажется, это излишне. Мы даже не знаем, жив ли 213-й, а уже перестраховываемся. Я думаю, что 158-й – это достаточно серьезный уровень для такого задания.

– В таком случае, – отреагировал на эти слова Тенниус, – поскольку 158-й – это почти готовый мастер, чтобы он наверняка справился, предлагаю ему открыть следующий уровень.

– Раньше срока? – спросил Сауррис.

– Лишь очень незначительно раньше, – ответил Тенниус.

– В общем, я согласен, – сказал Нонни.

– Вы берете ответственность на себя? – спросил Альетте.

Тенниус поморщился и сдержанно ответил:

– Да, конечно. Ведь это мой подопечный.

* * *

Валерий настолько хотел повидаться со своим начальником, который в свете всех последних событий стал одним из его самых близких друзей, что совершенно не заметил, как пролетела дорога до Холмского. Выезжая из города, он сделал все, чтобы максимально соблюсти все меры предосторожности, и не быть замеченным камерами наблюдения. Его маскарад был безупречен. Его машина была более чем

неприметна. Его легенда по поводу его отгулов была вполне правдоподобной, и он был уверен, что она сработает. Он предполагал, что Морозов, если он в сговоре со всей этой непонятной мафиозной братией, может о нем доложить, но сделал все так, чтобы замести следы даже, если это произойдет. Он знал, что Геннадий тоже, скорее всего, может его подставить, но с ним он после их последнего разговора больше ни разу не связывался, поэтому, ожидать опасности с этой стороны было маловероятно. Ему вообще казалось, что теперь его работа идет своим чередом, и за ним уже давно никто не наблюдает, хотя и прекрасно понимал, что подобного рода ощущения могут быть ложными, поскольку противник силен и хитер, и умеет таиться и ожидать. Перед своим приездом он связывался с Петром, чтобы случайно не обнаружить местонахождение начальника своим приездом, но узнав о поединке с оборотнем, понял, что это стало мало актуально, поскольку, если Петра нашел этот зверь, то, где находится Петр, скорее всего тоже стало известным и тогда, возможно, он наоборот сможет ему помочь, если что. Конечно его расстроил разговор с Вениамином, который, как он уже не раз убеждался, умудрялся видеть наперед планы противника, и не только был к ним готов сам, но и подготавливал всех остальных. Но, хотя охотник и не дал добро, он не запретил ему напрямую, а лишь сказал, что это может быть опасным, поэтому Валерий, который не особо обращал внимание на опасности, принял решение выехать немедленно,

тем более, что у него все было для этого готово.

Когда жигуленок Брумеля подъехал на КПП, Петр уже ожидал его. Машину проверили и пустили, и как только автомобиль проехал за шлагбаум, особист выскочил из своего авто и бросился в объятия друга.

После традиционных: «Ну, как ты?», «Как семья?», и тому подобного, друзья сели в машины и поехали к Петру домой. Валере не терпелось напрямую познакомиться с Данилиным, узнать кое-какие детали и подробности происходящего, что было сложно понять из телефонных разговоров, поскольку шифровка все-таки была шифровкой, и ограничивала их разговоры деловой тематикой, а Брумелю хотелось поговорить по душам и услышать последние новости, особенно о последнем поединке с оборотнем.

К этому времени стало известно, что этого зверя на подходе к Холмскому с вертолета видели еще два офицера, и даже стреляли в него в упор, чтобы проверить, жив он или мертв, чтобы потом прилететь на это место еще раз и снять с него шкуру, думая, что это только что умерший медведь.

Живучесть этого существа была на самом деле удивительной. Ни Петр, ни Валерий, ни Данилин не склонны были считать, что он бессмертен, поскольку из русских былин знали, что это не так, и что все-таки пронзенная осиновым колом эта тварь умирает. Но это было тогда. А сейчас, имея современное оружие и убедившись на собственном опыте, что зверя не берут пули, они подумывали о том, что русские сказ-

ки не лишены смысла. Однако, возникал вопрос, а как тогда вонзить в него этот осиновый кол, даже, если он у тебя будет, если оборотень настолько быстр, силен и огромен?

Хотя, после последней встречи Петр был уверен, что ему больше не стоит ожидать встречи с этим существом, но, несмотря на все его доводы, ни Брумель, ни Данилин не были в этом настолько же убеждены. После последнего предупреждения Вениамина Снегова у Валерия вообще было ощущение, что оборотень ходит где-то рядом и в любой момент может выскочить из-за угла.

Основным моментом обеспокоенности каждого из них было то, что если местонахождение Петра обнаружено, что стало понятно из появления оборотня в Холмском, то, скорее всего, в ближайшее время стоит ожидать какого-то еще хода со стороны неприятеля. Хотя сам Петр, похоже, не сильно беспокоился по этому поводу, как будто был уверен, что с ним ничего страшного не произойдет. Валерий, конечно, не знал, что в тот самый момент, когда они весело обсуждают этот момент за чашкой чая, агент под номером 158, человек-барс, пройдя обряд инициации, уже изучает историю дела Петра, и готовится к вылету на место.

Глава 3

– Что они делают? – спросила Лера, с удивлением наблюдая за тем, как берег наполняется людьми. – Это что? В нашу честь?

Теперь к берегу стал стекаться народ, и люди вереницей не шли, а бежали по дорожкам, которые вели к океану от стоящих вдали домов. Дети показывали руками в их сторону и, дергая мам за юбки, что-то у них спрашивали, а все, кто был на берегу и чем-то занимался, бросили свои дела и теперь стояли и, смотря в их сторону, ожидали, когда они пристанут к берегу.

– Похоже, что да, – ответил Андрей. – Странно, что такого в нас особенного, что они все собираются, чтобы на нас поглазеть?

– Может быть, они хотят нас съесть? – неудачно пошутил Джонни.

– Да, ну тебя, Джонни! – Замахала на него Лера. – Итак, непонятно, чего от всего этого ожидать, а тут еще и ты со своими глупыми шуточками!

– Ладно-ладно, все. Я больше не буду. Не хотел тебя обидеть.

В этот момент с ними поравнялась моторная лодка, и человек с нее обратился к ним на Английском с типичным африканским акцентом:

– Мы рады приветствовать вас в нашей деревне. С вами все в порядке?

Несколько опешив от такого обращения, Джонни, чуть помедлив, ответил:

– Э-э, ну-у, спасибо! Мы в порядке.

– Никто не болен? Может быть, вы голодны? Или, может быть, вас взять на буксир? – продолжал спрашивать человек с лодки.

– Они выглядят вполне приветливо, ребята, мне кажется, здесь нам бояться нечего, – негромко сказал мулат своим спутникам, и крикнул в ответ спрашивающему:

– Мы все здоровы и, хм... не сильно голодны. И, осталось совсем немного, думаю, мы доберемся сами.

– Окей! Если что, меня зовут Чака. Мы очень рады, что вы, наконец-то, прибыли.

Он «пришпорил» своего водяного коня и «поскакал» вперед, а Джонни, удивленно переглянувшись со своими друзьями, крикнул ему вслед.

– Эй! Уважаемый... э-э... Чака! А что все это значит?

– Все в порядке, сэр! Не беспокойтесь! – весело крикнул тот ему в ответ, оглянувшись через плечо и не сбавляя хода.

Пожав плечами, мулат перевел глаза на своих друзей и спросил:

– Кто-нибудь что-нибудь понял?

Брат с сестрой с недоумением отрицательно мотнули головами и тоже пожали плечами, а Андрей сказал:

– Осталось немного. Через пять минут все станет ясно.

– Он сказал, что мы наконец-то прибыли? И они этому почему-то рады? Это как-то ну, очень уж странно, – продолжал удивляться Джонни.

Ближе к берегу ветер немного ослаб, и они замедлили ход. Вскоре они стали проплывать мимо других лодок, на которых находились, судя по круглой или квадратной форме сетей, ловцы то ли крабов, то ли еще каких-то морских тварей. Все они на момент, когда лодка проплывала мимо них, приветливо махали руками и кричали ребятам что-нибудь ободряющее.

Наконец, они приблизились к берегу и увидели, что Чака стоит на выдающемся в океан специально сделанном для этой цели причале и, показывая им на него жестами, кричит, чтобы они пристали к этому месту.

Джонни подкорректировал парус и сбавил ход. Через минуту они причалили, и к ним сразу потянулись несколько рук, чтобы помочь им выйти из лодки. На них смотрели приветливые темнокожие лица с радушными белозубыми улыбками, и в их адрес звучали одобрительные возгласы.

* * *

Он очнулся резко, как от толчка, и тут же вскочил на все четыре лапы и «включил» все свои чувства.

Лес был спокоен. Город тоже. Канни удивился, что он был к нему ближе, чем ему показалось, когда он из последних сил упал в снег. На тот момент он думал, что отбежал на более далекое расстояние.

«Видимо сказалась потеря крови», – подумал он и прислушался к своим внутренним ощущениям. Чувствовал он себя приемлемо, но, как обычно в таких случаях, ощущал небольшую слабость, жажду и сильный голод. Это было понятно. Организм требовал восстановления.

«Что ж, несколько пуль в упор и разрыв сонной артерии. Ничего удивительного», – подумал он и, осмотревшись, увидел, что снег в том месте, где он лежал, пропитан кровью.

Видимо его расчёт оказался верным, и эта холодная спрессованная субстанция все-таки помогла остановить кровотечение раньше, чем это оказалось слишком поздно, и свойственная его второй природе усиленная регенерация сделала свое дело.

«А где пули?» – подумал он и, отступив в сторону, увидел их лежащими на снегу. – «Восемь штук! Интересно, как мое тело исторгает их так быстро наружу?»

В этот миг он вдруг вспомнил, что этот смятый снег пропитанный кровью означает, что...!

Он даже подпрыгнул от этой мысли и почувствовал, как взволнованно заколотилось его сердце и шерсть на загривке стала дыбом.

«Неужели?! Неужели у меня получилось?! Не может

быть! Неужели я... свободен?!»

Канни захотелось срочно проверить этот момент, и он, отдав себе приказ, мгновенно обратился в человека.

В этом своем состоянии он сразу ощутил, что ему гораздо холоднее, и его слегка знобит, и поэтому сразу «одел» на себя «велюровый покров».

«Ладно. Это сейчас не так важно», – подумал он и, боясь ошибиться в своих ощущениях, потянулся рукой к шее.

В том месте, где раньше чувствовался под кожей небольшой бугорок, похожий на слегка воспаленный лимфоузел, который служил ему кнопкой для связи с Алексом, теперь угадывался лишь небольшой шрам, и не более того. Это место все еще слегка побаливало, но там явно больше ничего не было.

– Неужели это правда?! – воскликнул он, и тут же прикрыл рот ладонью и с испугом оглянулся.

«Что я делаю? Ведь я все еще могу оказаться в опасности. За мной могут отправить поисковиков. А маги! Они же могут появиться где хотят в любой момент! Они уже наверняка знают, что я избавился от чипа, и захотят меня уничтожить. Мне лучше убраться отсюда, и поскорее».

Вместо радости он почувствовал реальный страх, но в этот раз ему было далеко не все равно, что с ним сделают, и он понимал, что этот не тот страх, которому нужно просто тупо противиться. Это чувство самосохранения, и на этот раз у него есть на это основания. Теперь у него есть смысл,

ради чего стоит остаться в живых. Если у него нет чипа, то он больше не агент. А значит, у него есть реальная надежда начать новую жизнь. Это означает, что он может надеяться, что у него что-то получится с Сюзи.

У Канни голова пошла кругом, и он, осознавая, что ему все еще нужно сохранять предельную осторожность, отдал себе приказ: «Волк!» и, обратившись, в первую очередь утолил свою жажду, набрав в пасть желанный холодный снег, после чего бросился бежать прочь от города быстро, как он только мог.

«Мне нужно поесть, и удалиться отсюда подальше», – думал он, сканируя на ходу местность в поисках какой-нибудь добычи.

Прямо по курсу было то самое поле, на котором в него стреляли из вертолета. Оборотень решил не рисковать и обогнуть его слева. Пробежав несколько сот метров, он почувствовал впереди небольшую лань с двумя молодыми оленятами. Чтобы насытиться, ему достаточно было бы и одного только олененка, но, когда он об этом подумал, то ощутил довольно сильное желание убить их обоих вместе с мамашей, и заметил для себя, что раньше ему не хотелось убивать больше, чем было нужно на самом деле. В этот раз ему явно захотелось просто так убить их всех.

«Странное желание, с чего бы это?» – подумал он, и пошел по ветру так, чтобы животные как можно позже почувствовали его приближение.

* * *

Раздался звонок, после чего в двери негромко постучали.

– Войдите, – крикнула Людмила, которая в этот момент находилась на кухне и, смотря телевизионные новости, чистила картошку для супа.

Дверь скрипнула, и внутрь кто-то вошел.

– Кто там? – спросила Строгина, пытаясь угадать по звуку, кто бы это мог быть.

– Мне бы Людмилу Сергеевну, – прозвучал незнакомый мужской голос в ответ.

Взглянув на себя мельком в зеркало, висящее перед выходом из кухни, она вышла в прихожую. У дверей стоял какой-то мужчина лет сорока пяти в полицейской форме и приветливо улыбался.

– Я Людмила Сергеевна. Вам что-то нужно?

– Здравствуйте. Я ваш участковый, – представился полицейский.

Смерив его взглядом, Строгина, поджав губы, сдержанно спросила:

– Чем обязана?

– По долгу службы мне нужно задать вам несколько вопросов, – ответил участковый.

– И-и... по какому поводу?

Ей явно не хотелось с ним разговаривать, и по ее тону это было очевидно.

– Э-э... Людмила Сергеевна, я бы не стал вас беспокоить, если бы меня не обязывало положение, – он немного замялся, и огляделся по сторонам, – куда я могу присесть?

Еще раз смерив его взглядом, Строгина сложила руки на груди и холодно ответила:

– Если соизволите разуться, то можно на кухню. А если нет, то во-он стульчик. Можете с него убрать мои вещи и присесть.

Он покряхтел, посмотрел на стульчик, потоптался немного и сказал:

– Хм, вещи ваши лучше убирайте сами, поэтому, я, пожалуй, разуюсь.

Он явно не чувствовал себя уверенно.

Сняв свои черные начищенные до блеска туфли, участковый кашлянул, и прошел на кухню, держа свой кожаный коричневый портфель, как некую реликвию.

Присев на стул напротив того места, где она чистила картошку, полицейский достал шариковую ручку, бумагу с удобной папочкой, на которой можно было бы писать, надел очки и, подняв глаза на Людмилу, которая все еще стояла в дверях и смотрела на него с явным недоверием, сказал:

– Вы присаживайтесь, присаживайтесь, Людмила Сергеевна. В ногах, ведь, правды нет.

– Вы мне скажете или нет, зачем явились? – спросила она,

не скрывая раздражения.

– Полегче, полегче, Людмила Сергеевна. Я же не враг вам. Я просто служащий, при исполнении. Вот, пожалуйста, ордер, – он достал какую-то бумажку, и положил ее перед собой на стол, – дающий мне право вас допросить. Так что, давайте повежливей, пожалуйста.

Хмыкнув, Строгина села за стол, выключила телевизор и, взяв нож, продолжила чистить картошку.

– Валяйте. Задавайте свои вопросы:

Он покосился на острый и большой кухонный нож в ее руке и примирительным тоном проговорил:

– Не знаю, чем я вызываю у вас столько неприязни, Людмила Сергеевна, но я, на самом деле, без всяких претензий. Сразу скажу, что вы пока вне подозрений. Но поскольку вы человек заинтересованный и самый близкий, естественно вы самый первый в списке опрашиваемых. Итак, что мы имеем? – Он раскрыл папку, что-то там почитал, и продолжил: – У нас двое пропавших подростков. Андрей и Валерия Строгины, ваши дети, как я понимаю. И вслед за ними так же внезапно исчезнувший Петр Иванович Строгин, ваш старший сын. У вас имеются сведения о том, куда и как могли пропасть ваши дети?

У Людмы комок встал в горле и на глазах навернулись слезы. Она попыталась что-то сказать, но поперхнулась и вдруг разрыдалась, уткнувшись лицом в ладони, в одной из которых все еще был нож, самым искренним и неудержимым ры-

данием, на какое бывают способны матери, потерявшие своих детей.

Вздрогнув, участковый потрогал указательным пальцем свои очки и, удивленно глядя на рыдающую женщину, явно замешкался, не зная, что ему предпринять. Не чувствуя уверенности, что ему можно и нужно как-то попытаться ее успокоить, он какое-то время просто молчал, наблюдая за тем, как по ее руке с прижатым большим пальцем ножом, течет в полном смысле слова ручеек слез, и ожидая, что она, успокоиться, и наконец поняв, что она не собирается останавливаться, проямлил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.